

ГЛАВНЫЕ ПОСОБНИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и рассказы.

I.

Перфильевъ ¹⁾.

Афанасій Перфильевъ былъ яицкій казакъ; семнадцати лѣтъ поступилъ на службу, а тридцати одного года, когда объявлено было о смерти императора Петра III-го, присягнулъ въ вѣрности императрицѣ Екатеринѣ II-й. Онъ всегда былъ на сторонѣ партіи враждававшей съ старшиною и потому участвовалъ во всѣхъ мятежахъ, случившихся въ Яицкомъ городкѣ. Такъ, на примѣръ, когда мятежники, во главѣ съ Кирпичниковымъ, согласились въ домѣ Толкачева идти къ генераль-маіору Траубенбергу и капитану Дурнову требовать себѣ удовлетворенія за обиду отъ старшинъ, а если по ихъ просьбѣ ничего не будетъ сдѣлано, то самимъ сдѣлать расправу, Перфильевъ былъ за одно съ ними, но однако въ происшедшей при этомъ случаѣ дракѣ не участвовалъ, а оставался въ домѣ Толкачева стеречь казаковъ, приверженцевъ старшинской партіи.

Послѣ же того, какъ на усмиреніе этого бунта шелъ въ Яицкій городокъ генераль-маіоръ Фрейманъ, Перфильевъ съ другими бунтовщиками выѣхалъ противъ него на драку къ рѣкѣ Енбулатовкѣ; казаки хотѣли устранить на время столкновеніе и потому начали переговоры; посредникомъ былъ Перфильевъ; его послали въ станъ Фрей-

¹⁾ Рассказъ составленъ на основаніи подлинныхъ показаній Перфильева въ комиссіи, учрежденной въ Яицкомъ городкѣ. Показанія эти въ такой подробности, какъ въ настоящемъ рассказѣ, до сихъ поръ не были напечатаны.

мана съ предложеніемъ приостановить наступательныя дѣйствія и позволить имъ отправить депутацію въ Петербургъ къ императрицѣ. Фрейманъ на это не согласился и отвѣчалъ, что если яицкое войско выдастъ сорокъ человѣкъ, зачинщиковъ мятежа, то остальнымъ никакого вреда не будетъ сдѣлано.

Возвратился Перфильевъ и донесъ объ этомъ предложеніи Фреймана войсковымъ судьямъ; они же не рѣшились на выдачу своихъ и потому положили начать военныя дѣйствія. Перешли черезъ Ембулатовку и въ двухъ сраженіяхъ были разбиты, и потому, чувствуя невозможность устоять противъ войсковой команды, отступили назадъ въ Яицкій городокъ. Впрочемъ, здѣсь они не были въ безопасности и, боясь за свои сопротивленія старшинамъ наказанія, выѣхали всѣ изъ городка. Между этими бѣглецами былъ Перфильевъ; онъ пробрался на хутора въ Безъимянномъ Ярѣ, въ пятидесяти верстахъ отъ Яицка, и прожилъ тамъ довольно долгое время. Затѣмъ онъ скитался въ разныхъ мѣстахъ, такъ, на примѣръ, былъ на сѣнокосѣ у своихъ братьевъ, жилъ цѣлую зиму въ Яицкомъ городкѣ въ своемъ домѣ, но постоянно скрываясь отъ преслѣдованія, а съ наступленіемъ весны отправился въ хуторъ казака Ивана Герасимова, гдѣ и пробылъ все лѣто 1773 года.

Сюда къ нему доходили всѣ свѣдѣнія изъ Яицкаго городка о преслѣдованіяхъ и слѣдствіи надъ виновными. Когда же дѣло объ убійствѣ Траубенберга было окончено, а захваченные сотники были наказаны, то изъ городка пріѣхалъ на хуторъ Герасимова казакъ Савелій Плотниковъ и сообщилъ о постигшемъ войсковыхъ сотниковъ и казаковъ несчастіи: на все войско наложена не малая выть за пограбленное имѣніе у Траубенберга и старшинъ.

Объясняя, насколько все это было сдѣлано, по его мнѣнію, несправедливо, Плотниковъ просилъ Перфильева и Герасимова отъ имени казака Фофанова и всего войска, чтобы они съѣздили въ Петербургъ и попросили императрицу не взыскивать съ нихъ наложенной выти, а сотниковъ, уже наказанныхъ и сосланныхъ, возвратить по прежнему въ войско.

Когда Перфильевъ и Герасимовъ согласились исполнить это предложеніе, то Плотниковъ съѣздилъ въ Яицкій городокъ и привезъ имъ на дорогу отъ войска сто пятьдесятъ рублей денегъ, а потомъ и самъ присоединился къ этому посольству.

Въ началѣ осени 1773 года прибыли они въ Петербургъ и нашли тамъ яицкаго казака Петра Герасимова, который уже давно тамъ жилъ съ просьбою тоже отъ войска и, такимъ образомъ, скрывался отъ поисковъ военной коллегіи.

Эти четыре казака, Перфильевъ, Иванъ и Петръ Герасимовы вмѣстѣ съ Плотниковымъ, сочинили челобитную для подачи императрицѣ Екатеринѣ II. Въ челобитной все было приведено, что только можно было придумать въ оправданіе своей войсковой стороны и по возможности все то было прикрито, что обнаруживало ихъ собственную вину. Подали эту челобитную графу Алексѣю Григорьевичу Орлову, который потомъ, спустя три дня, объявилъ имъ, что доложилъ объ ихъ просьбѣ ея величеству.

Дожидааясь резолюціи, казаки прожили въ Петербургѣ недѣли двѣ. Потомъ ихъ призвалъ къ себѣ Орловъ и заявилъ, что на Яикѣ совершилось несчастіе: одинъ разбойникъ, бѣглый донской казакъ Пугачевъ, назвавшись покойнымъ государемъ Петромъ III, собралъ себѣ небольшую шайку изъ яицкихъ казаковъ, а особенно тѣхъ, которые замѣшаны были въ дѣлѣ объ убійствѣ Траубенберга, и съ нею пошелъ по крѣпостямъ къ Оренбургу.

Сообщивъ объ этомъ, Орловъ приказывалъ имъ съѣздить туда и какъ можно скорѣе постараться уговорить яицкихъ казаковъ отстать отъ этого разбойника, а его самого выдать; если они успѣютъ это уладить, то Орловъ обѣщалъ тотчасъ же рѣшить въ ихъ пользу дѣло, по которому подали просьбу императрицѣ. Предложеніе это было принято казаками съ большою готовностью и двое изъ нихъ, Афанасій Перфильевъ и Петръ Герасимовъ, обѣщали употребить всѣ усилія, чтобы только исполнить въ точности повелѣніе императрицы. Спустя два дня, они были отправлены на Яикъ, а другіе два казака, Савелій Плотниковъ и Иванъ Герасимовъ, остались пока въ Петербургѣ.

Дорогою Перфильевъ съ Герасимовымъ много разсуждали о томъ, какъ бы это могло случиться, что простой человѣкъ могъ назваться государемъ. Герасимовъ нѣсколько разъ видывалъ покойнаго государя и потому, если это точно государь, то онъ его непременно узнаетъ. Вспомнили они также о томъ, что, когда публиковались указы о смерти Петра III, въ народѣ носилась молва, что онъ живъ и неизвѣстно какимъ образомъ выграденъ изъ подъ ареста, а похороненъ какой-то другой человѣкъ. „А если,—разсуждали они,—государь живъ, то, конечно, это онъ, такъ какъ ему надо же гдѣ нибудь явиться“. Поэтому они между собою такъ условились: когда пріѣдутъ къ самозванцу и Герасимовъ узнаетъ въ немъ Петра III-го, то никакого злаго умысла противъ него не принимать, потому что „какъ-де можно намъ свои руки поднять на государей, ихъ главы помазанныя. Богъ знаетъ,—говорили они,—чью сторону держать: государя или государыни! они между собою какъ хотятъ, такъ пусть и дѣлать, а намъ нечего въ

ихъ дѣла вступаться; неравно-де его сторона возьметъ, такъ мы тогда безъ всего пропадемъ, а лучше останемся у него служить“.

Пріѣхали они въ Казань и вручили губернатору печатные указы о проявившемся самозванцѣ; отсюда направились черезъ Самару въ Яицкій городокъ. Но тутъ въ Самарѣ какой-то командиръ усумнился въ справедливости рассказовъ Перфильева и Герасимова, что они-де посланы отъ императрицы, а потому арестовалъ ихъ и отослалъ въ Симбирскъ. Тамъ, впрочемъ, они скоро оправдались и около Николина дня 1773 года пріѣхали въ Яицкій городокъ. Комендантъ этой крѣпости Симоновъ, получивъ отъ нихъ указы, отправленные казанскимъ губернаторомъ, и узнавъ о цѣли ихъ посылки изъ Петербурга, распорядился такимъ образомъ: Герасимова отправилъ на нижніе яицкіе форпосты, потому что тамъ уже казаки были возмущены Михаиломъ Толкачевымъ, а Перфильева, вмѣстѣ съ казакомъ Иваномъ Фофановымъ, который потомъ былъ судьей надъ яицкими казаками, и братьями Морошihinыми, послалъ въ толпу Пугачева подъ Оренбургъ.

Перфильевъ дорогою по всѣмъ форпостамъ объявлялъ, что ѣдетъ служить государю; это было необходимо, чтобы отвести всякое подозрѣніе о своемъ намѣреніи, такъ и въ Петербургѣ совѣтовали ему сдѣлать. Затѣмъ, разговорившись съ Фофановымъ и Морошihinыми, открылся имъ съ какою цѣлью онъ посланъ императрицею.

— Нѣтъ, не могли этого дѣлать! возразили тѣ. Мы тебя исколимъ, ежели хоть чуть станешь что нибудь предпринимать. Онъ, мы слышали, точный государь. Ко мнѣ же,—сказалъ Фофановъ,—и ко всему войску присылалъ указы, гдѣ общалъ жаловать насъ многими милостями. Я еще въ городѣ догадался, что съ Герасимовымъ не даромъ изъ Петербурга пріѣхали, да хотѣлъ донести на тебя по пріѣздѣ въ Берду. Такъ слышь же, братъ, не смѣй этого дѣлать, а то не сдобровать тебѣ!

Перфильевъ сталъ ихъ умолять, чтобы на него не доносили и клялся, что будетъ съ ними служить вѣрно и ничего худого не сдѣлаетъ государю.

По пріѣздѣ въ Берду, Перфильевъ явился къ своему старому другу, а теперь первому атаману самозванца, Андрею Овчинникову, и объявилъ, что, будучи въ Петербургѣ, прослышалъ, что здѣсь явился государь, а потому и бѣжалъ оттуда, желая къ нему поступить на службу.

— Да какъ же ты, не окончивши войсковаго дѣла, оттуда ушелъ-то? спросилъ Овчинниковъ.

— Нечего ужъ тамъ повлоны терять. Я разсудилъ, что лучше у самого государя милости искать.

— И то правда! вотъ мы теперь и сами резолюціи дѣлаемъ. Пойдемъ, я тебя представлю государю.

Когда привели Перфильева къ самозванцу, то Овчинниковъ доложилъ ему откуда тотъ прибылъ и съ какою цѣлью.

— Зачѣмъ же ты былъ въ Петербургѣ? спросилъ Пугачевъ, обращаясь къ Перфильеву.

— Я, батюшка, для войсковой просьбы тамъ былъ, но не дождавшись резолюціи, прослыша, что ваше величество здѣсь явились, бѣжалъ къ вамъ и хочу служить вѣрою и правдою.

— Полно, братъ! правда-ли это? не шпіонствовать-ли ты пришелъ? Ужъ не подослали-ли тебя извести меня?

— Нѣтъ, ваше величество, я противъ васъ отнюдь никакого злаго намѣренія не имѣю.

— Ну, если это правда, такъ будь здѣсь и служи также вѣрою, какъ и всѣ ваши казаки служатъ; а если ты и подлинно съ злодѣйствомъ какимъ сюда присланъ, то я этого не боюсь и думаю, что сего никто со мною не сдѣлаетъ; въ Петербургѣ же нечего вамъ просить, мы и безъ просьбы съ ними раздѣлаемся. Ну, а какъ обо мнѣ говорятъ въ Петербургѣ? спросилъ Пугачевъ.

— Да Богъ знаетъ, батюшка! мы отъ большихъ господъ ничего не слыхали, а слышали въ кабакахъ-то отъ черни, да и то не явно, а потихоньку, что-де явился около Оренбурга императоръ Петръ III-й и беретъ города и крѣпости.

— Это правда! ты самъ видишь, — подтвердилъ самозванецъ, — сколько уже теперь взято крѣпостей; а будетъ время и къ нимъ въ Петербургъ заберемъ, моихъ рукъ не минуетъ! Я знаю, что вся чернь меня вездѣ съ радостью прійметъ, лишь только услышитъ о моемъ приходѣ.

Потомъ Пугачевъ подарилъ Перфильеву красный суконный кафтанъ, да денегъ тринадцать рублей и зачислилъ его въ команду Овчинникова.

Оставшись такимъ образомъ въ толпѣ Пугачева, Перфильевъ повсюду видѣлъ, что всѣ казаки, тутъ бывшіе, почитали Пугачева за настоящаго государя и даже многіе самовидцы покойнаго государя, какъ напримѣръ, старшина Витошковъ, утверждали, что онъ именно настоящій Петръ III-й. Мало по малу у Перфильева стали разсѣиваться сомнѣнія относительно самозванства Пугачева и онъ сталъ считать его за настоящаго государя. Однажды остался онъ наединѣ съ Овчинниковымъ и, разговаривая съ нимъ подружески, открылся ему,

что былъ посланъ изъ Петербурга отъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова для уговора яицкихъ казаковъ, при чемъ передалъ также и мнѣніе графа, что появившійся не государь, а донской казакъ Пугачевъ.

— Нѣтъ, Аванасій! Выкинь ты все это изъ головы,—сказалъ Овчинниковъ,—онъ точно государь Петръ Третій, мы довольно о семъ увѣрены, а имъ вольно его называть какъ хотятъ; прямое-то его названіе они отъ народа скрываютъ, а на обѣщанія ихъ нечего надѣяться; довольно ужъ и такъ мы отъ нихъ потерпѣли, теперъ скоро мы будемъ все въ своихъ рукахъ имѣть. А ты, братъ, смотри! если будешь какое зло на государя замышлять или ложное распространять, то на меня не пеняй: даромъ, что ты мнѣ пріятель, изъ своихъ рукъ тебя изрублю!

— Да я тебѣ это открылъ какъ другу и хотѣлъ только знать твои мысли, а посягнуть-то на царскую голову у меня и рука не поднимется.

— Ну, а всетаки нужно объ этомъ донести государю, чтобъ онъ напередъ не узналъ отъ кого нибудь и не счелъ бы за измѣну. Теперъ я пойду къ нему и скажу, что ты самъ не посмѣлъ прежде объявить объ этомъ.

Потомъ Овчинниковъ ввелъ въ палатку самозванца Перфильева.

— Что, Перфильевъ, скажешь? спросилъ Пугачевъ.

— Да вотъ, батюшка, началъ тотъ, бросаясь въ ноги самозванцу, я не смѣлъ вамъ намнѣсь объявить, что я посланъ былъ съ злымъ противу вашего величества намѣреніемъ, но сохрани меня Богъ, я не думалъ этого сдѣлать!

— Ну вотъ, видишь, я объ этомъ догадывался. Теперъ же молчи, ужъ я съ тѣми, которые тебя послали, справляюсь. Поди и служи мнѣ вѣрно.

Спустя немного времени, Пугачевъ получилъ извѣстіе, что Михаилъ Толкачевъ овладѣлъ Яицкимъ городкомъ, а полковникъ Симоновъ атакованъ въ ретраншаментѣ; поэтому онъ послалъ туда изъ Берды Овчинникова съ партіею на помощь Толкачеву; но скоро и самъ туда же отправился, оставя въ Бердѣ начальникомъ Максима Шигаева. Шигаевъ неоднократно посылалъ Перфильева съ письмами къ самозванцу.

Предъ возвращеніемъ Пугачева въ Берду, самозванецъ собралъ въ Яицкомъ городкѣ казачій кругъ и велѣлъ читать предъ всѣми именной указъ, которымъ жаловалъ Яицкое войско рѣкою Яикомъ, съ вершины до устья и всѣми впадающими въ оную протоками, всѣми выгодами, вольностью, свинцомъ, порохомъ, крестомъ и бородою; тѣмъ

же указомъ повелѣвалось казакамъ общимъ совѣтомъ выбрать войсковаго атамана и двухъ старшинъ съ тѣмъ, что если ими не будутъ довольны, то черезъ три года состоится новый выборъ. Послѣ чтенія указа, Пугачевъ передъ всѣмъ кругомъ сказалъ:

— Извольте, яицкое войско, выбирать себѣ атамана и старшинъ, по прежнему вашему обыновенію, кого хотите, — отдаю на вашу волю.

— Довольны, батюшка, надежа государь, вашу царскою милостью! прокричали казаки.

Затѣмъ, посыпались въ кругу разныя похвалы самозванцу: „то-то отецъ! — восклицали одни, — посмотритека, отдаетъ на нашу волю выборъ атамана“; „да, — подтверждали другіе, — онъ старинный нашъ обычай по прежнему хочеть завести!“

Потолковавъ промежъ себя, казаки объявили самозванцу, что желаютъ имѣть атаманомъ Каргина, а старшинами Перфильева и Фофанова.

— Ну, когда вамъ такъ угодно, — сказала Пугачевъ, — будь по моему! Я воли съ васъ не снимаю.

— Благодарствуемъ, — крикнуло войско, — надежа государь, на твоей царской милости!

Послѣ отъѣзда самозванца въ Берду, казаки позвали выбранныхъ въ кругъ и, снявъ шапки, стали кланяться и просить:

— Пожалуй, господинъ атаманъ, и вы, господа старшины, пріймите на себя этотъ трудъ и послужите намъ, яицкому войску, вѣрою и правдою.

— Мы, яицкое войско, не имѣемъ большаго разума, — отвѣчали тѣ, — да и недостойны управлять вами.

Такія церемоніи бывали въ то время обычными даже и тогда, когда кто нибудь и самъ добивался подобной должности; выбранные согласились, наконецъ, управлять яицкими казаками.

Пугачевъ, уѣзжая изъ Яицкаго городка, далъ право войсковымъ судьямъ разбирать всякія между казаками судныя дѣла и виновныхъ за малыя преступленія наказывать, въ случаѣ же, обнаружатся преступленія важныя и въ особенности касающіяся намѣреній Пугачева, то таковыя дѣла препровождались на разсмотрѣніе къ нему самому. Основываясь на этомъ, атаманъ съ судьями весьма многихъ драли плетью за маловажныя проступки, казнили же смертью только тѣхъ, на которыхъ указывалъ Пугачевъ какъ на враговъ его личныхъ интересовъ.

Съ тѣхъ поръ Перфильевъ, живя постоянно въ Яицкомъ городкѣ, нѣсколько разъ подстрекалъ свою команду противъ военнаго отряда, находившагося въ ретраншаментѣ подъ предводительствомъ полковника Симонова. Когда же возвратился сюда и Петръ Герасимовъ

изъ нижнихъ форпостовъ вѣстѣ съ Толкачевымъ, то Перфильевъ спрашивалъ его:

— Узналъ ли ты государя-то?

— Кажется, что онъ точно, — отвѣчалъ Герасимовъ, — я его признаю; времени-то много прошло съ тѣхъ поръ, какъ я его видѣлъ, теперь онъ уже постарѣе и къ тому же въ бородѣ ходить.

Выѣзжалъ Перфильевъ на переговоры съ капитаномъ Крыловымъ, посланнымъ Симоновымъ.

— Что вамъ долго противиться батюшкѣ нашему государю Петру Ѳедоровичу? Пора образумиться и принести ему покорность! увѣщевалъ Перфильевъ.

— Перестань, Аванасій, злодѣйствовать-то, — отвѣчалъ Крыловъ. Ты, видно, совсѣмъ забылъ, съ какою цѣлью послала тебя императрица изъ Петербурга.

— Меня нечего учить, я знаю съ чѣмъ прѣхалъ отъ государыни; но вѣдь мнѣ тамъ сказали, что это донской казакъ Пугачевъ, — прѣхавъ же сюда, я нашель, что онъ подлинный государь, а потому, какъ же я могу противъ него такое злодѣйство предпринимать? А вы лучше признали бы свою вину и принесли бы покорность, то батюшка васъ и простилъ бы; ты же самъ вотъ здѣсь капитанъ, а у него будешь и генераломъ. Да что ужъ больше толковать, у него въ Бердѣ служить коллежскій ассесоръ изъ Симбирска, не ему ли не знать кому онъ служить — государю или нѣтъ? Затѣмъ, ты самъ посуди, когда государь съ государыней не согласны, такъ намъ нечего въ ихъ дѣла мѣшаться, а лучше держать сторону государя, потому что мы ему еще прежде присягали вѣрно служить.

Когда самозванецъ былъ разбитъ при Татищевой и генералъ Мансуровъ шелъ къ Яицкому городку, то Перфильевъ въ шайкѣ съ Овчинниковымъ выѣхалъ къ рѣкѣ Быковкѣ, намѣреваясь вступить съ нимъ въ сраженіе; а послѣ пораженія ихъ Мансуровымъ, оба направились къ мѣсту, называемому Вшивыя Чаганайки, а оттуда, переѣхавъ впасть рѣку Чаганъ, прошли черезъ степь на рѣку Самару; затѣмъ, перерѣзавъ часть Московской дороги отъ Казани до Оренбурга, пробрались Башкирію къ Магнитной крѣпости, гдѣ и нашли Пугачева.

Такъ какъ съ самозванцемъ войска было не очень много, то потому онъ прошелъ мимо Верхояицкой крѣпости, въ которой находился генералъ Деколонтъ съ большою командою. Затѣмъ взяты были слѣдующія крѣпости: Карагайская, Степная, Петропавловская и послѣ большаго сопротивленія Троицкая; при штурмѣ этой послѣдней съ Пугачевымъ было войска тысячь до восьми, а въ крѣпости военной ко-

манды простиралось до семи сотъ человѣкъ; но на другой день на Пугачева напалъ генералъ Деколонгъ и нанесъ ему громадное поражение, такъ что всѣ пушки были отбиты, возвращены всѣ плѣнные и захвачены весь его обозъ. Изъ всего отряда Пугачева бѣжало въ Башкирію полторы тысячи человѣкъ. Тамъ къ нему пристали башкирцы въ числѣ 4,000. При рѣкѣ Лягушиной его догналъ полковникъ Михельсонъ; произошло кровопролитное сраженіе, изъ котораго съ Пугачевымъ ушло только 500 человѣкъ. Не смотря на всѣ эти неудачи, къ нему все-таки приставало чрезвычайно много башкирцевъ, изъ которыхъ одного Пугачевъ произвелъ въ генералы, другаго въ бригадиры, а десять человѣкъ въ полковники и нѣкоторымъ дарилъ кармазинные кафтаны. Во время приближенія къ Оссѣ, войско его доходило до 10,000 человѣкъ. Когда двинулись къ Казани, то всѣ ящчіе казаки стали звать самозванца въ Москву, на что тотъ отвѣчалъ:

— Еще время не пришло! надобно-де побывать на Дону, а оттуда уже пойдѣмъ въ Москву.

На пути въ Казань одинъ башкирецъ привезъ къ Пугачеву какого-то купца старика; росту онъ былъ средняго, лицомъ сухощавъ и рябоватъ, волосы темнорусые съ сѣдиною, говора прищамиваеетъ, а лѣтъ ему около шестидесяти. Предъ всѣмъ войскомъ Пугачевъ заявилъ, что этотъ старикъ присланъ отъ великаго князя Павла Петровича къ нему съ письмомъ.

Перфильевъ дорогою изъ любопытства распрашивалъ этого старика:

— Откуда ты, старинушка, пріѣхалъ и зачѣмъ?

— Я пріѣхалъ, — отвѣчалъ тотъ, — отъ Павла Петровича къ государю Петру Ѳеодоровичу съ письмомъ и освѣдомиться подлинно-ли это онъ? Меня же потому выбралъ Павелъ Петровичъ, что я часто видывалъ государя и онъ даже меня жаловалъ кафтаномъ и шпагою.

— Да гдѣ же теперь Павелъ Петровичъ? спросилъ Перфильевъ.

— Онъ теперь живетъ въ Царскомъ Селѣ, отъ Петербурга верстъ тридцать.

— Ну, что же ты, призналъ государя-то?

— Да, онъ дѣйствительный государь Петръ Ѳеодоровичъ; мнѣ-то вотъ пора, — замѣтилъ старикъ, — и съ извѣстіемъ возвратиться, не знаю, что такъ долго держать государя.

Недѣли двѣ пробылъ этотъ старикъ въ лагерѣ Пугачева; только послѣ поражения при Казани онъ былъ отпущенъ самозванцемъ, разглашавшимъ въ войскѣ, что онъ его обратно отсылаетъ къ своему наслѣднику Павлу Петровичу въ Петербургъ.

Во время пожара въ Казани, произведеннаго, по свидѣтельству

очевидцевъ, яицкими казаками и башкирцами, Пугачевъ съ толпою, въ которой участвовалъ и Перфильевъ, разбѣзжалъ по городу и всѣхъ своихъ противниковъ кололъ и стрѣлялъ; но сколько при этомъ погибло—неизвѣстно. Дальнѣйшее движеніе Пугачева по переправѣ чрезъ Волгу было чрезвычайно быстро, такъ что у Перфильева остались въ памяти только два города Алатырь и Пенза, гдѣ ихъ встрѣчало населеніе съ великою честью; и здѣсь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Пугачевъ вѣшалъ командировъ, а особенно такихъ, на которыхъ жители просили за обиды и притѣсненія. Подъ Саратовомъ хотя и было оказано сопротивленіе, но незначительное, такъ что городъ скоро былъ взятъ. На пути къ Царицыну Пугачевъ жаловалъ многихъ серебряными медалями и вызолоченными, которыя были сдѣланы военными серебряниками; получилъ подобную медаль и Перфильевъ, который вмѣстѣ съ прочими нашолъ ее на груди на небольшой ленточкѣ.

Послѣ безуспѣшной атаки Царицына, Пугачевъ прошелъ далѣе по правому берегу Волги и недалеко отъ Чернаго Яра былъ на голову разбитъ Михельсономъ, захватившимъ весь его обозъ и артиллерію, такъ что самъ Пугачевъ едва спасся съ нѣсколькими изъ своихъ приближенныхъ, переплывъ на лѣвый берегъ Волги; но отъ него отсталъ Перфильевъ съ яицкими казаками, которые рѣшились непремѣнно отыскать самозванца; когда ихъ старанія оказались напрасными, то они рѣшились отправиться въ Яицкій городъ, чтобы тамъ принести повинную; напрасно ихъ уговаривалъ Перфильевъ, говоря, что „тамъ насъ навѣрное переказнятъ или раскасутъ въ солдаты“, казаки его самого заставили слѣдовать за собою и на рѣкѣ Деркулу встрѣтили разбѣдную команду, которою и были приведены въ городокъ въ секретную комиссію.

Перфильевъ во все время пути отъ Магнитной крѣпости и до самаго конца злодѣйствъ Пугачева завѣдывалъ распросами „злоумышлявшихъ“ противъ самозванца и доносилъ ему о производимыхъ имъ розыскахъ.

Примѣчаніе. Перфильевъ, по свидѣтельству современника, хорошо знавшаго Пугачева и его сподвижниковъ, «былъ самолюбивѣйшій злодѣй и извергъ, командовалъ всегда войсками Пугачева и казненъ вмѣстѣ, въ одинъ день, съ Пугачевымъ, 10-го января 1775 г.» См. Записки Рунича въ третьемъ изд. «Русской Старины» 1870 г. томъ II-й, стр. 170.

II.

Твороговъ и Чумаковъ ¹⁾).

Лицкій казакъ Ѳедоръ Чумаковъ состоялъ у Пугачева начальникомъ всей артиллеріи и заправляющимъ раздачею хлѣба, а казакъ Елецкой станицы Иванъ Твороговъ былъ въ Пугачевской коллегіи судьей, полковникомъ при илецкихъ казакахъ, а потомъ исправлялъ должность главнаго писаря.

Чумакову было отъ роду 45 лѣтъ, а въ государственной службѣ пробылъ 30; Твороговъ имѣлъ 32 года и прослужилъ 8. Несмотря на то, что о смерти государя Петра III слышали, равно какъ и о томъ, что бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ принялъ имя покойнаго императора, они, однакоже, въ 1773 году, пристали къ толпѣ самозванца. Чумаковъ это сдѣлалъ въ то время, когда Пугачевъ приближился къ Лицкому городку и противъ него послана была команда въ сто человекъ съ цѣлю не пропускать его черезъ Чаганъ рѣку; тутъ-то Чумаковъ, при старшинахъ Витонтовѣ и Чертороговѣ, былъ захваченъ. Твороговъ былъ взятъ Пугачевымъ при Илецкомъ городкѣ съ другими казаками этой станицы.

Чумаковъ призналъ Пугачева государемъ вслѣдствіе увѣреній казака Максима Шигаева, который весьма многихъ къ тому склонилъ, говоря:

— Онъ-де имѣеть на себѣ примѣты царскія и подлинно-де какъ въ Петербургѣ, такъ и въ Царицынѣ, изъ подъ караула спасся, а теперь насъ хочетъ во всей претензіи со старшинами удовольствовать и сдѣлать казаковъ первыми людьми въ государствѣ.

Они сопровождали самозванца по всему тракту до Оренбурга и хотя оставались болѣе въ лагерѣ его въ Бердѣ, но участвовали въ сраженіяхъ съ дѣлавшими вылазку изъ Оренбурга. Въ битвѣ подъ Татицовой они не были, но затѣмъ, послѣ разбитія Пугачева подъ Сакмарой, сопровождали его въ числѣ другихъ 20-ти человекъ на Вознесенскій заводъ; увлекши за собой заводскихъ крестьянъ, Пугачевъ двинулся къ другимъ заводамъ: Авзяно-Петровскому, заводу Бѣлорѣцкому и друг.; такимъ образомъ онъ достигъ Башкиріи, гдѣ толпа его еще болѣе увеличилась присоединеніемъ башкирцевъ. Магнитная крѣпость не устояла послѣ втораго приступа бунтовщиковъ,

¹⁾ Разсказъ составленъ на основаніи ихъ показаній въ отдѣльной секретной комисіи въ Лицкомъ городкѣ 14-го сентября 1774 года. Чумаковъ былъ генералъ-фельдцейхмейстеромъ, генералъ-квартирмейстеромъ и провіантмейстеромъ скопищъ Пугачева, а Твороговъ начальникомъ «дивизіи» и однимъ изъ главныхъ любимцевъ самозванца и его ближайшимъ совѣтникомъ.

не имѣвшихъ ни одной пушки; она сдалась, но при этомъ Пугачевъ получилъ рану въ правую руку. Особенно важно было для Пугачева то, что въ это время къ нему присоединился Андрей Овчинниковъ съ толпою лицкихъ казаковъ. Въ Магнитной Пугачевъ взялъ пушки, повѣсилъ коменданта вмѣстѣ съ писаремъ и направилъ свой путь къ Троицкой, при чемъ нѣкоторые изъ встрѣчавшихся ему крѣпостей были сожигаемы. Подъ Троицкой атака длилась цѣлый день; дорого стояла для Пугачева побѣда надъ гарнизономъ, поэтому онъ и старался отмстить за громадный уронъ въ своемъ войскѣ цѣлымъ рядомъ казней въ этой крѣпости; сколько тутъ погибло народа, Чумакову и Творогову было неизвѣстно, такъ какъ они въ крѣпость не входили, а оставались въ стану. Не послужила однако эта побѣда въ прокъ Пугачеву: скоро явился въ это мѣсто генералъ Деколонгъ и нанесъ ему такое пораженіе, что тотъ съ одною только пушкою ушелъ; а затѣмъ, при слободѣ Лягушиной, настигъ его подполковникъ Михельсонъ и новымъ пораженіемъ разсѣялъ войска Пугачева; здѣсь у него была отбита и послѣдняя пушка. Наконецъ, приближаясь къ Красноуфимску, Пугачевъ опять собралъ громадную шайку людей, являвшихся къ нему не по принужденію, но по собственной волѣ.

Здѣсь-то, по словамъ Творогова и Чумакова, лицкіе казаки звали его въ Москву въ виду того, что, такъ какъ онъ царь, то пора-де вступить на престолъ и полно напрасно проливать человѣческую кровь.

— Нѣтъ, еще не время, — отвѣчалъ имъ Пугачевъ, — наше отъ насъ не уйдетъ.

Затѣмъ подступилъ онъ къ пригородку Оссѣ; взять же его было очень трудно, такъ какъ не было ни одной пушки; простояли тутъ мятежники цѣлый день, а наутро задумали сдѣлать жестокой приступъ; обошлось, однако, безъ приступа: начались переговоры; изъ крѣпости высланъ отставной гвардеецъ, который долго всматривался въ Пугачева, разглядывалъ его примѣты и потомъ, обратившись къ своимъ, сказалъ:

— Не сомнѣвайтесь, молодцы! Это природный вашъ государь Петръ Федоровичъ, я его точно знаю.

Гарнизонъ, комендантъ и жители Оссы, недовѣрчиво до сихъ поръ относившіеся къ Пугачеву, послѣ такого заявленія, впустили въ городъ самозванца и тотчасъ принесли ему присягу въ вѣрности. Пробывши здѣсь нѣсколько часовъ и забравъ людей и пушки, они пошли къ Казани. Въ Оссѣ былъ взятъ какой-то офицеръ Минѣевъ, который обѣщалъ провести Пугачева къ Казани прямымъ путемъ, за что и былъ пожалованъ отъ самозванца чиномъ. Въ Казани хотя и было

сопротивленіе, но всетаки ее взяли, кромѣ Кремля; въ Казани представлена была Пугачеву его жена Софья съ тремя дѣтьми.

— Вотъ, какое злодѣйство, — сказалъ при этомъ Пугачевъ, — сказываютъ, что это моя жена; это совершенно не правда! Она точно жена, но только друга моего Емельяна Пугачева, который замученъ за меня въ тюрьмѣ подъ розыскомъ; однакоже, помня мужа ея, Пугачева, къ себѣ одолженіе, я не оставляю ее.

Съ этихъ поръ ее вмѣстѣ съ дѣтьми и возили повсюду за нимъ. Пробывши въ Казани не болѣе четырехъ часовъ и услышавъ о приближенія подполковника Михельсона, Пугачевъ расположился на Арскомъ полѣ; здѣсь произошло первое побоище, послѣ котораго самозванецъ былъ отбитъ отъ Казани. На слѣдующій день было второе сраженіе, но нерѣшительное; а третье было уже окончательнымъ: пушки всѣ захвачены, толпы разсѣялись въ разныя стороны, оставались вѣрными пока башкирцы, но и тѣ, когда Пугачевъ сталъ переправляться чрезъ Волгу, поворотили назадъ.

Твороговъ и Чумаковъ сопровождали самозванца далѣе въ его походъ черезъ Курмышъ, Алатырь, Пензу и Саратовъ. На первомъ ночлегѣ на пути изъ Саратова въ Царицынъ Пугачевъ велѣлъ написать „именной указъ“ въ донскія станицы, чтобы его тамъ встрѣчали; когда онъ былъ готовъ, то Твороговъ представилъ Пугачеву для подписи.

— Нѣтъ, мнѣ не должно сего чинить, — сказалъ онъ, — ибо если увидятъ мою руку и, вмѣсто меня, кто нибудь еще назовется, то легковѣрный народъ повѣритъ и будетъ каже ни есть злодѣйство.

Твороговъ рассказалъ объ этомъ секретарю самозванца Алексѣю Дубровскому; оба стали совѣщаться: какъ бы это могло стать, что и именнаго указа самъ не подписалъ: „конечно-де, онъ не умѣетъ грамотѣ и точно насъ обманываетъ, что онъ государь“. Затѣмъ они рассказали объ этомъ тихонько „полковнику“ Федулову, Чумакову и другимъ.

До самаго Царицына по всѣмъ городамъ и селеніямъ жители встрѣчали Пугачева съ хлѣбомъ и солью, и поздравляли съ восшествіемъ на престолъ, а около этого города пріѣхали къ нему калмыцкіе владѣльцы съ огромнымъ числомъ калмыковъ. Царицына всетаки взять не могли; бунтовщиковъ отбилъ храбрый комендантъ крѣпости Цыплетевъ. Войско Пугачева увеличилось присоединеніемъ 1,200 чело-вѣкъ донскихъ казаковъ, которые сперва шли противъ толпы и потомъ добровольно ему передались; не долго, впрочемъ, они были ему вѣрными: переночевали въ стану всего одну только ночь; многіе изъ нихъ всматривались въ лицо самозванца, а потомъ, одинъ за другимъ,

неизвѣстно по какой причинѣ, уѣхали изъ толпы. Яицкіе же казаки, бывшіе у Пугачева, крайне удивились такому поведенію донцовъ и стали между собою такъ разсуждать:

— Конечно, донскіе казаки узнали, что онъ не государь, а ихъ казакъ, какъ и слышно объ этомъ было, и ихъ обманываетъ.

Не смотря однако на такое недовѣріе, они, по данному указу отъ Пугачева, пошли на низъ Волги и, не доходя Чернаго Яра, неизвѣстно какою-то командою были разбиты и потеряли всю почти толпу людей и артиллерію; одни изъ оставшихся бѣжали къ займищамъ Волги, а другіе къ Черному Яру, вблизи котораго Пугачевъ переправился на луговую сторону съ женою Софьею, сыномъ Трошкой и нѣсколькими казаками. Потомъ Пугачевъ совѣтовалъ казакамъ идти въ Сибирь и тамъ набрать новую армію. Яицкіе же казаки, которыхъ было при этомъ полтора ста человекъ, не соглашались и говорили „тамъ дѣлать намъ нечего и воевать-де полно“.

— Такъ пойдѣте,—сказалъ Пугачевъ,—на нижнюю Яицкую дистанцію, заберемъ тамъ всѣхъ людей и лошадей и приступимъ къ Гурьеву; а, его взявъ, на Каспійскомъ морѣ заберемъ суда и поплывемъ въ разныя орды, подыдемъ ихъ и опять выйдемъ въ Россію.

На это казаки не согласились и настаивали на томъ, чтобы идти въ Узени, гдѣ можно пока скрыться. Пугачевъ послѣдовалъ ихъ совѣту. Когда же прибыли къ камышамъ на Узеняхъ, то послали нѣсколькихъ казаковъ искать живущихъ въ уединеніи стариковъ, съ цѣлью узнать, гдѣ можно достать хлѣба, а также поразвѣдать, что дѣлается въ Яицкомъ городкѣ. Казаки нашли двухъ старцевъ, которые имъ объявили слѣдующее:

— Въ Яицкомъ городкѣ казни никакой нѣтъ, а больше поступаютъ милостиво: многихъ, кто раскаивается, изъ тюрьмы освободили, но только такъ стали поступать очень недавно, а прежде было строго.

Казаки, не довѣряя такимъ разговорамъ старцевъ, послали въ городокъ навести справки, точно-ли прощаютъ всѣхъ кто самъ является? По возвращеніи же посланныхъ, стали толковать промежь себя о милосердіи въ городкѣ и тутъ же составили заговоръ связать Пугачева и выдать правительству. Спустя немного времени, запасъ хлѣба опять истощился, почему Пугачевъ приказалъ осѣдлать для себя лошадей и намѣревался самъ ѣхать къ старикамъ. За нимъ послѣдовало казачьихъ человекъ тридцать; тутъ были Чумаковъ, Твороговъ, Федуловъ и всѣ хорунжіе, не желавшіе упустить этого удобнаго случая къ аресту Пугачева. Проѣхавъ версты три, Чумаковъ обратился къ нему съ такимъ вопросомъ:

— Какъ, батюшка, дольше-то быть, куда намъ ѣхать?

— О чемъ же ты спрашивашь? Вѣдь у насъ же выдумано куда ѣхать — на форпосты и къ Гурьеву, а оттуда по морю и подымать орды.

— Нѣтъ, государь! теперь не прогибвайся, — возразилъ Чумаковъ, — полно намъ кровь человѣческую проливать! Пора прійдти въ раскаяніе; когда ты точно царь, такъ поѣдемъ съ нами въ Яицкій городокъ и тамъ насъ и себя оправь.

— Нѣтъ, на Яикъ я не поѣду, — рѣшительно заявилъ Пугачевъ; а лучше пойдете назадъ, да станемъ пробираться въ Москву.

— Воля твоя, государь, тому не быть! Изволь-ка съ себя снять шапку и патронницу. Ужъ мы тебя не упустимъ, а повеземъ въ городокъ силою и тамъ за насъ отвѣчай. Полно ужъ, вѣдь много человѣческой крови мы и такъ пролили!

Видя, что всѣ казаки заодно съ Чумаковымъ, Пугачевъ помертвѣлъ отъ страха и когда дано было приказаніе казаку Ивану Бурнову снять саблю съ самозванца, то онъ самъ отдалъ ее въ руки „полковнику“ Ивану Федулову, говоря:

— Я казаку снять съ себя шапки не дамъ, сіе безчестно.

Арестовавши такимъ образомъ самозванца, они отправились назадъ къ прочимъ казакамъ; тутъ, переправившись чрезъ Узень, Пугачевъ замѣтилъ, что за нимъ не очень крѣпко присматриваютъ и потому, отозвавъ въ сторону отъ другихъ Творогова, показывая видъ, что желаетъ съ нимъ тихонько говорить, поскакалъ во весь махъ, чтобы поскорѣе скрыться; однако Твороговъ его догналъ и казаки спихнувъ Пугачева съ лошади, скрутили ему руки назадъ.

— Какъ вы можете вязать государя! закричалъ Пугачевъ; за меня еще Павелъ Петровичъ вступится!

Его развязали, но вмѣсто того посадили на самую дурную лошадь, чтобы онъ не могъ ускакать. Когда пріѣхали на мѣсто своей стоянки, то оставшіеся тамъ казаки выражали полную радость, что отважились связать Пугачева, и тотчасъ же всѣ уѣхали съ Узеней на рѣчку Болыету, гдѣ остановились для обѣда. Пугачевъ совершенно свободный рассказывалъ по десяткамъ, гдѣ ѣли кашу, потомъ подошелъ къ казаку Маденову и сказалъ ему что-то на ухо.

— Господа казаки! — закричалъ Пугачевъ, схватя казачью саблю, — послужите вы мнѣ вѣрно, вяжите всѣхъ старшинъ! и съ саблею бросился на Чумакова съ намѣреніемъ его ударить.

Казаки, видя это, всѣ вскочили и, по приказанію обнажившихъ сабли Федулова и Чумакова, пришили Пугачева къ землѣ тупыми копейными древками въ плечи и заворотили ему веревкою назадъ руки. Маденова, бывшего съ нимъ въ согласіи, кто копьями, а кто ружейными

стволами тутъ же убили. Затѣмъ, тотчасъ отправились къ Яику и выѣхали на дорогу между Кожухаровскимъ и Бударинскимъ форпостами; отсюда послали казака Горлова на Кожухаровъ форпостъ увѣрить, чтобы не опасались, потому что они везутъ связаннаго Пугачева съ повинною въ Яицкій городокъ къ господину капитанъ-поручику Маврину, про котораго слышали какъ въ Узеняхъ, такъ и отъ своихъ шпионовъ, что многихъ, кто самъ являлся, прощаетъ; слышали также, что и бѣжавшимъ отъ Емельки пощаду даетъ и даже раздаетъ хлѣбъ изъ казны. Это причина болѣе и побудила выдать самозванца, авось либо за злодѣйство ихъ казнить не будутъ. Чумаковъ и Твороговъ, поручивъ Федулову и другимъ казакамъ доставить Пугачева въ Яицкій городокъ, сами поѣхали впередъ съ объявленіемъ о его захватѣ. При ихъ отъѣздѣ, Пугачевъ обратился уже ласково съ такими словами:

— Что вы вздумали себя и меня погубить напрасно? Вѣдь васъ не пощадятъ, если меня и выдадите, всѣхъ перевѣшаютъ! Богъ вамъ за это воздастъ, что меня думаете сгубить!

— Что ни говори, а тебя не отпустимъ, отвѣчалъ Чумаковъ.

Отъѣхавъ десять верстъ отъ того мѣста, гдѣ оставили Пугачева, т. е. отъ Карташевскаго Яру (въ 70-ти верстахъ отъ Яицкаго городка), Чумаковъ и Твороговъ повстрѣчали сотника Петра Харчева съ командою въ 50 человекъ, посланнаго для поисковъ злодѣя; имъ они и были препровождены въ отдѣльную секретную комиссію въ Яицкомъ городѣ, — гдѣ и дали показаніе, почти дословно переданное въ нашъ рассказъ.

III.

Долгополовъ ¹⁾).

Въ концѣ 1773 г. въ Ржевѣ-Володимірѣ пронеслась въ народѣ молва, что будто бы около Оренбурга проявился государь Петръ Федоровичъ; услыхаль объ этомъ, а отъ кого именно — не помнить, и ржевскій купецъ Остафій Трифоновъ сынъ Долгополовъ; вѣры, однако же, всему этому не давалъ, такъ какъ самъ видалъ указы печатные, гдѣ прямо сказано было, что по вступленіи на престолъ всемилостивѣйшей государыни, государь Петръ III скончался; слыхаль онъ также о смерти государя и отъ ржевскихъ купцовъ, бывшихъ какъ разъ въ то время въ Петербургѣ; извѣстно также было ему, что Петръ III погребенъ не въ московскомъ монастырѣ. Но, несмотря на все это,

¹⁾ Рассказъ составленъ на основаніи подлиннаго показанія Долгополова въ Московской тайной экспедиціи 12-го ноября 1774 года.

слухъ въ народѣ держался все упорнѣе и упорнѣе, такъ что и самому Долгополову приходила мысль, что, можетъ быть, этотъ самозванецъ и прямой государь; а это для него могло быть весьма прибыльно: покойный государь взялъ у него въ Рамбовѣ (Ораніенбаумѣ) овса 500 четвертей на шестьсотъ семьдесятъ пять рублей, денегъ же ему за это не отдано. Принимали овесъ Нарышкинъ и Бресанъ. Когда же государь Петръ III умеръ, то такъ эти деньги Долгополова и пропали; просилъ однажды онъ Петра Евреинова, но тотъ ему наотрѣвъ отвѣчалъ: „У меня-де суммы нѣтъ, много-де вашей брати ходитъ за деньгами-то по смерти государя!“ Потомъ его постигло другое несчастье: барки съ товарами, плившія изъ Ржева, потонули. Тогда-то онъ захотѣлъ поправить нѣсколько свои обстоятельства и попробовать — удастся-ли ему получить денегъ за овесъ отъ назвавшагося Петромъ III.

На первой недѣлѣ поста 1774 года, захвативъ съ собою денегъ рублей съ двѣсти и сказавъ женѣ, что ѣдетъ въ ближайшіе города для закупки овса, Долгополовъ взялъ у воеводы билетъ и отправился въ Москву. Тутъ нашелъ онъ знакомаго купца, зятя тверскаго бургомистра, Федора Волкова, и взялъ у него краски на триста-восемьдесятъ рублей въ долгъ, намѣреваясь свезти ее въ Казань и продать съ барышомъ. Спустя же немного времени, столкнулся онъ въ Москвѣ съ нижегородскими купцами; на вопросъ Долгополова, какое требованіе на краску теперь въ Казани? купцы отвѣчали:

— Кому тамъ ее покупать? развѣ ты не слыхалъ, что тамъ разбойникъ Пугачевъ ѣздя все разоряетъ, такъ что всякій радъ поскорѣе все продать! Накупивши тамъ всего за безцѣнокъ и привезши сюда, можно получить хорошій барышъ.

Тогда Долгополовъ всю свою краску продалъ тутъ же въ Москвѣ, получивъ убытку двадцать рублей, а самъ намѣревался отправиться въ Казань, думая, что если ему не удастся видѣть злодѣя и кое-что отъ него получить, то закупить разнаго товару и привезетъ въ Москву. Вырученныя отъ продажи краски деньги, а равно и съ нимъ бывшія, для большаго удобства размѣнялъ на имперіалы и полумперіалы; всего у него было 500 рублей.

Безъ всякихъ остановокъ, Долгополовъ доѣхалъ до Казани, гдѣ провѣдалъ отъ жителей, что злодѣй стоитъ подъ Бердою. На слѣдующій же день, нанявъ „копейныхъ“ лошадей, онъ отправился въ Мензелинскъ; тамъ явился къ воеводѣ и показалъ ему свой билетъ изъ ржевской канцеляріи. На вопросъ же воеводы: „Куда же ты ѣдешь?“ Долгополовъ отвѣчалъ:

— Сынъ-де мой поѣхалъ на Ирбитскую ярмарку, да слуху объ немъ никакого нѣтъ и неизвѣстно, живъ-ли онъ, или, можетъ быть,

попался въ руки злодѣя; вотъ потому-то я и самъ хочу обратиться на Ирбитъ и развѣдать о немъ“.

Воевода не только оставилъ безъ вниманія, что билетъ Долгополова не былъ въ Казани занумерованъ, но даже выдалъ ему за двойные прогоны подорожную; да, кромѣ того, еще просилъ взять съ собою туда же и солдата съ рапортами. Хозяинъ, гдѣ останавливался Долгополовъ, не совѣтовалъ ему брать съ собою солдата, такъ какъ бунтовщики, если съ ними встрѣтятся, навѣрное обоихъ убьютъ, такъ какъ они особенно не любятъ солдатъ. Тогда Долгополовъ, не желая себя подвергать такой опасности, отправился обратно въ Казань, а оттуда направился опять на оренбургскую дорогу. Проѣхавъ село Мазино, Долгополовъ открылся своему возчику Гаврилѣ, который былъ кузнецъ и красилъ крашенину.

— Я не сына ищу,—сказалъ ему Долгополовъ,—а этого злодѣя (Гаврило самъ раньше ругивалъ Пугачева); мнѣ хочется его самого увидѣть и посмотреть—государь-ли онъ, такъ какъ я покойнаго государя зналъ крѣпко и онъ мнѣ, какъ былъ великимъ княземъ, остался долженъ за овесъ деньгами сотъ съ семь слишкомъ; когда я увижу, что онъ точно государь, то попрошу о деньгахъ, а если нѣтъ, то назовусь купцомъ, тогда меня ему вѣшать будетъ не за что.

Потомъ онъ пріѣхалъ въ одну татарскую деревню, а какъ называется—не помнить, и нанялъ себѣ одного татарина съ парю лошадей, на которыхъ и добрался до первой станціи. Далѣе онъ три дня ѣхалъ на копейныхъ лошадяхъ вмѣстѣ съ провожатымъ татаринкомъ. Тутъ имъ стали попадаться пѣшіе мужики русскіе, татарскіе и башкиры кучами, человѣкъ по десятку и больше. Они объявили Долгополову, что злодѣй разбитъ въ Бердѣ и они тоже были тамъ, да теперь идутъ по домамъ, а самъ Пугачевъ съ малымъ числомъ ушелъ въ горы. Узнавъ все это, Долгополовъ вернулся въ село Мазино, гдѣ и оставался съ недѣлю, а потомъ, по прошествіи еще двухъ недѣль, онъ провѣдалъ отъ проходившихъ башкиръ и татаръ, что Пугачевъ направился къ Уфѣ.

Тогда Долгополовъ обратился къ Гаврилѣ, чтобы тотъ нашелъ ему хорошаго провожата; ему всетаки хотѣлось видѣть злодѣя, съ тою цѣлью, что если узнаеть, что онъ не государь, то не удастся-ли ему склонить приближенныхъ Пугачева связать его и выдать государынѣ: за это самъ онъ могъ получить хорошее вознагражденіе. Гаврило нашелъ ему надежнаго татарина. Долгополовъ съ своимъ спутникомъ постоянно объявляли встрѣчавшимся имъ, что ѣдутъ къ государю; поэтому только ихъ нигдѣ и не обидѣли. На всемъ пути до деревни Янычъ они могли замѣтить изъ разговоровъ иновѣрцевъ, что

тѣ въ злодѣю были весьма усердны. Въ это время они узнали, что Пугачевъ съ толпою идетъ къ Оссѣ. Въ селѣ Янычѣ, къ Долгополову приступили татары, съ вопросомъ: „куда ѣдешь?“ на это онъ отвѣчалъ, что ѣдетъ къ Петру Федоровичу искать прикащика, который съ товарами пропалъ безъ вѣсти. Когда же одинъ татаринъ, по имени Канзафаръ, увидѣлъ въ телѣгѣ Долгополова кису и началъ допрашивать куда онъ ѣдетъ, тогда онъ объявилъ всѣмъ тутъ бывшимъ татарамъ, что „я везу къ государю изъ Питера подарки—шляпу съ золотымъ позументомъ, сапоги красные казацкіе, строченные мишурою, перчатки замшевыя, шитыя шелкомъ, два простые камня и два восточные хрустала“. Шляпу, сапоги и перчатки онъ купилъ еще въ Казани, а камни взяты изъ дома. Канзафаръ отправился вмѣстѣ съ Долгополовымъ; когда же, по прошествіи трехъ дней ихъ пути, Канзафаръ началъ сомнѣваться въ томъ, что Долгополовъ отъ себя везетъ Пугачеву подарки, и приставалъ къ Долгополову сказать, отъ кого онъ посланъ, тогда тотъ объявилъ, что отъ великаго князя Павла Петровича.

Наконецъ, Долгополовъ прибылъ въ Оссу, гдѣ и встрѣтился съ Пугачевымъ. Узнавъ о цѣли прибытія Долгополова, сынъ татарина Кинжина ускакалъ впередъ и увѣдомилъ злодѣя о томъ, что Павелъ Петровичъ прислалъ ему дорогіе подарки.

Долгополовъ, войдя въ палатку, увидѣлъ Пугачева на землѣ, на коврѣ и въ шелковомъ халатѣ. Остафій Трифоновъ поклонился ему.

— Что ты за человекъ, откуда ты пріѣхалъ и къ кому? спросилъ Пугачевъ.

— Я купецъ Ржево-Володимира—пріѣхалъ къ вашему величеству изъ Питера съ подарками отъ великаго князя Павла Петровича.

Затѣмъ онъ вручилъ эти подарки, приговаривая, что „Павелъ Петровичъ приказалъ вашему величеству кланяться“.

— Ну, а все съ нимъ благополучно?

— Да, его высочество молодецъ хорошій,—отвѣчалъ Долгополовъ,— да къ тому онъ уже и обрученъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ какой-то нѣмецкой принцессой.

— Какъ ее зовутъ?

— Натальей Алексѣвной. У меня есть и отъ нея къ вашему величеству подарокъ—два камня.

— Я, чаю, господа меня боятся?

— Какъ же вашего величества и не боятся-то? А я вотъ давно васъ знаю, еще въ Рамбовѣ ставилъ овесъ.

— За него тебѣ и денегъ пока не заплатили? подхватилъ Емелька; помню, помню, теперь заплачу, мой другъ.

Тутъ Пугачевъ крикнулъ дежурнаго казака Якимъ Васильева и когда тотъ вѣшалъ въ палатку, то онъ объявилъ ему:

— Сегодня мнѣ Богъ послалъ двѣ радости—Оссу взялъ и вонъ этотъ человекъ,—указавъ на Долгополова,—привезъ подарки отъ Павла Петровича; объяви объ этой послѣдней радости народу и пусть онъ затѣмъ расходится прочь, каждый къ своему мѣсту.

Васильевъ приказаніе исполнилъ въ точности.

— Ну, поди теперь, сказалъ Пугачевъ Долгополову, и будь здѣсь.

По приказу Пугачева новопріѣзжій находился постоянно при его коляскѣ; вечеромъ его позвали къ Пугачеву и они въ палаткѣ вдвоемъ ужинали, но ничего при этомъ не говорили; затѣмъ Долгополову приходилось больше всего проводить время у коляски вмѣстѣ съ Федоромъ Чумаковымъ.

При выходѣ изъ Оссы, Пугачевъ приказалъ повѣсить пятерыхъ и. обратясь къ Долгополову, сказалъ:

— Поди, посмотри какъ здѣсь вѣшаютъ господь!

Тутъ-то и пришлось Остафію Трифонову въ первый разъ видѣть этихъ несчастныхъ.

Переправившись черезъ рѣку и пройдя нѣсколько верстъ, обѣдалъ Долгополовъ съ Пугачевымъ и Якимомъ Васильевымъ, но при этомъ ничего не говорили.

Потомъ, переночевавъ, стали собираться въ путь.

— А я,—сказалъ Долгополовъ,—батюшка, къ тебѣ и порохъ везъ, пузовъ съ 60, на судиѣ и оставилъ его подъ Нижнимъ.

— Да какъ же ты его провезъ?

— Въ бочкѣ, а сверху засыпалъ сахаромъ.

— Да гдѣ же ты его взялъ?

— Онъ тоже отъ Павла Петровича.

Долгополовъ, обманывая Пугачева, желалъ поскорѣе получить позволеніе возвратиться, такъ какъ его порядочно-таки покорило, что тотъ вѣшалъ людей безъ жалости и сердца. Тотъ же страхъ былъ причиною того, что Долгополовъ уже не думалъ объ осуществленіи своего плана склонить казаковъ—или отстать отъ самозванца, или связать его.

— Отпусти-ка, батюшка, меня,—сказалъ на другой день Долгополовъ,—такъ я и порохъ пришлю тебѣ въ Казань, да и самого Павла Петровича тоже привезу.

— Подожди, я знаю когда тебя отпустить.

Тутъ простые казаки стали ему говорить:

— Да что ты просишь у самого-то! Ты проси Афанасія Петровича Перфильева да Творогова, они тебя скорѣе выпросятъ, потому что онъ ихъ слушаетъ.

Послѣ этого, Долгополовъ, во время остановки около лѣса для корму лошадей, заговорилъ съ Перфильевымъ.

— Пожалуй, Афанасій Петровичъ, замолвь словечко государю-то, чтобъ онъ меня отпустилъ, вѣдь меня Павелъ Петровичъ дожидается.

— Полно, дѣдушка, пустое болтать-то! — сказалъ, усмѣхнувшись, Перфильевъ; что ты насъ обманываешь? ты навѣрно посланъ отъ кого-нибудь другаго, но не отъ Павла Петровича. Скажи, старичекъ, правду! Я вотъ и про себя скажу, вѣдь присланъ былъ отъ самого князя Григорія Григорьевича Орлова, онъ далъ мнѣ полтораста рублей денегъ, чтобы только ялицкихъ казаковъ уговорить связать государя и въ Питеръ привезти; но сохрани меня Богъ, ни за что этого не сдѣлаю; обо всемъ я прямо и государю сказывалъ.

Долгополовъ же клялся, что посланъ именно отъ Павла Петровича.

Объ отпускѣ обратно купца Остафія Трифонова Долгополова Перфильевъ дѣйствительно просилъ у Пугачева. Просилъ также за него и Твороговъ. Въ это же время часто доводилось Долгополову спать рядомъ съ Чумаковымъ; ведя бесѣду о разныхъ предметахъ, Чумаковъ иногда выпытывалъ Долгополова:

— Скажи, старинушка, ты знаешь, подлинно-ли это государь, или онъ такой, какъ называютъ — Пугачевъ?

— Пустое! онъ подлинно государь, я его и прежде видывалъ, — отвѣчалъ Долгополовъ.

Самъ же купецъ былъ убѣжденъ, что это Пугачевъ, только не могъ объявить Чумакову, такъ какъ тотъ былъ любимецъ злодѣя и потому могъ сейчасъ же передать ему мнѣніе Долгополова, а за это послѣднему могла угрожать мучительная казнь.

Долгополовъ сопровождалъ Пугачева до самой Казани; видѣлъ какъ ее грабили и жгли, и какъ наконецъ одержалъ побѣду надъ самозванцемъ Михельсонъ; впрочемъ, самъ-то онъ, какъ увѣрялъ потомъ на допросѣ, никакого злодѣяства правительственнымъ войскамъ не дѣлалъ, а только ѣздилъ позади злодѣйскаго обоза.

Послѣ бѣгства Пугачева изъ-подъ Казани, разъ какъ-то остановились въ одной деревушкѣ завтракать. Пугачевъ, набивши себѣ порядочно брюхо, завалился спать на дворѣ. Подошелъ къ нему Долгополовъ, сѣлъ на столбикъ, и сталъ, по своей доброй волѣ, обмахивать отъ вора мухъ; тутъ ему пришла мысль: вырвать изъ-за пояса Емельки ножъ и покончить съ нимъ; „но, — дальше размышлялъ онъ, — если зарѣзать безъ согласія казаковъ, то они меня самого изрубятъ въ

буски!“ испугавшись такого вознагражденія, онъ поскорѣе ушелъ прочь отъ всякаго соблазна.

На пути въ Казань приходилось Долгополову замѣшиваться между казаковъ; тутъ-то онъ часто слышалъ, какъ тѣ промежъ себя такъ разговаривали:

— Долго-ли намъ волочиться съ мѣста на мѣсто? Отъ домовъ своихъ удалились и съ каждымъ днемъ все больше и больше насъ убавляется—того убьютъ, другой потонетъ, а третьяго и казнятъ; этакъ насъ до того переведутъ, что на Яикѣ никого не останется.

— Да вотъ, государь сказывалъ, — отвѣчали другіе, — что государыня дасть тридцать тысячъ тому, кто его живаго въ Питеръ привезетъ.

— Да, насулятъ-то много, — возражали нѣкоторые, — а не дадутъ ничего.

Спустя два дня по переходѣ черезъ Волгу, Пугачевъ, увидя Долгополова, сказалъ ему:

— „Ну, старикъ, убирайся! совсѣмъ я тебя отпущу!“ а самъ пошелъ къ повозкѣ и досталъ оттуда денегъ, затѣмъ сѣлъ на траву и изъ подола рубашки отсчиталъ ему на дорогу пятьдесятъ рублей.

— Я, батюшка, своихъ деньжонокъ порядочно истрясъ, замѣтилъ Долгополовъ.

— Не погибвайся! Коли-бъ меня подъ Казанью не ограбили, то я-бъ тебѣ далъ побольше, а теперь нѣтъ.

Долгополовъ и за эти деньги поклонился Пугачеву въ ноги и поцѣловалъ у него руку; затѣмъ онъ былъ отвезенъ въ Чебоксары. Оттуда, нигдѣ на дорогѣ не останавливаясь, пробрался онъ домой. Не повидавъ во Ржевѣ никого кромѣ своей жены и переночевавъ дома только одну ночь, поѣхалъ въ Петербургъ; причины своего быстрого отъѣзда женѣ не сообщилъ, а просто сказалъ, что уѣзжаетъ дня на три за нуждою.

Приѣхавъ въ Петербургъ, ночевалъ одну ночь въ Ямской слободѣ, а рано утромъ пошелъ къ князю Григорію Григорьевичу Орлову и велѣлъ о себѣ доложить, что онъ имѣетъ необходимость видѣть его сіятельство и подать ему письмо. Проснулся князь, ему доложили о какомъ-то незнакомцѣ и его сіятельство приказалъ впустить его къ себѣ въ спальню.

— Ты что за человекъ? спросилъ Орловъ.

— Я, сударь, лицомъ казакъ; при семъ Долгополовъ подалъ ему письмо, написанное имъ въ то время, когда былъ еще въ Чебоксарахъ.

Князь, прочитавъ это письмо, какъ будто бы отъ Перфильева¹⁾,

¹⁾ Въ письмѣ предлагалось выдать Пугачева.

повезъ съ собою Долгополова въ Царское Село, гдѣ жидя въ то время императрица.

На другой день Екатерина II отправила съ Долгополовымъ капитана Галахова, которому вручила два письма, и выданъ былъ паспортъ за рукою князя Орлова.

Приѣхавъ въ Царицынъ 31-го августа, они не застали тамъ Пугачева и потому вернулись въ Саратовъ, такъ какъ извѣстно было въ то время, что Пугачевъ двинулся луговою стороною Волги отъ Царицына на сѣверъ. Но въ Саратовѣ Долгополовъ выпросилъ у Галахова 3,100 руб., которые онъ намѣренъ былъ отдать Перфильеву по условію и отправился съ однимъ донскимъ казакомъ отыскивать злодѣйскую толпу; найдя ее, онъ хотѣлъ подкупить приближенныхъ Пугачева, или же вообще казаковъ, которые, какъ ему было извѣстно, недовольны были въ то время Пугачевымъ и потому только боялись ему измѣнить, что опасались, что ихъ надуютъ и не дадутъ обѣщанныхъ тридцати тысячъ; теперь же, раздавая изъ имѣвшихся при немъ 3,100 рублей и обнадеживая, что осталшая сумма скоро будетъ доставлена, Долгополовъ вполне былъ увѣренъ въ хорошемъ исходѣ своего предпріятія, т. е., что казаки, польстясь на вознагражденіе, выдадутъ Пугачева и бунтъ совершенно прекратится. Особенно Перфильевъ могъ бы повѣрить письму Орлова, такъ какъ онъ и самъ-то былъ посланъ изъ Петербурга тоже съ цѣлью уговорить казаковъ отстать отъ самозванца.

Потомъ, однако, самъ Долгополовъ сознался, что весь этотъ планъ своихъ дѣйствій, а также и письмо отъ Перфильева и его сподвижниковъ, все это было придумано имъ самимъ въ виду того, что если бы ему удалось злодѣя поймать, то ожидалъ онъ себѣ большой награды и думалъ, что за него правительство заплатитъ тысячи двѣ долговъ. Въ шайкахъ Пугачева ни отъ кого и никакого порученія онъ не получалъ; назывался яицкимъ казакомъ у князя Орлова для того, чтобы больше повѣрили письму какъ будто бы отъ Перфильева; а у Пугачева называлъ себя посланникомъ Павла Петровича только въ виду того, что, подольстясь къ нему такими словами, хотѣлъ получить деньги за овесъ, которыхъ съ процентами доходило до полуторы тысячи рублей.

Долгополовъ, по его признанію, злаго умысла противъ государства и ея величества никакого не имѣлъ и дѣйствовалъ совершенно самостоятельно, т. е. никто его не посылалъ ни къ Пугачеву, ни отъ него.

На пути изъ Саратова къ Пугачеву, онъ узналъ отъ одного купца, что тотъ уже пойманъ и такъ какъ ему не удалось осуще-

ствить своего плана, то онъ хотѣлъ скорѣйшимъ извѣщеніемъ императрицы о такомъ важномъ событіи заслужить ея расположеніе и получить прощеніе за весь обманъ; при этомъ думалъ, что взятая у Галахова деньги пойдутъ на уплату его собственныхъ долговъ.

Въ Петербургѣ всей исторіи онъ не сообщалъ, потому что совершенно оробѣлъ отъ страха.

Примѣчаніе. «Ржевскій купецъ Долгополовъ—какъ выражено въ приговорѣ о казни Пугачева и его сообщниковъ,—разными жестокими вымыслами приводилъ простыхъ и легкомысленныхъ людей въ явнее ослѣпленіе, такъ что и Казноферъ (онъ же Канзафаръ) Усаевъ (мещеряцкой сотникъ), утвердясъ больше на его увѣреніяхъ, прилѣпился вторично къ злодѣю». Долгополовъ высѣченъ кнутомъ, поставлены на лицѣ его знаки и, по вырваніи у него ноздрей, сосланъ въ Сибирь, на каторгу, гдѣ повелѣно содержать его въ оковахъ.

Этотъ-же Остафій Трифоновъ Долгополовъ—герой записокъ сенатора Рунича, который отвелъ въ своихъ запискахъ много страницъ интереснѣйшему разсказу о похожденияхъ этого смѣлаго проходимца, мнимаго посланца отъ великаго князя Павла Петровича къ самозванцу. См. третье изданіе «Русской Старины» 1870 г., томъ II, стр. 63—174.

IV.

Канзафаръ Усаевъ ¹⁾.

Канзафаръ Усаевъ былъ сотникомъ изъ мещеряковъ Уфимскаго уѣзда деревни Бузовъ-Язовой; человекъ онъ былъ лѣтъ 37-ми, грамотный какъ по-татарски, такъ и по-русски. Въ ноябрѣ 1773 года Канзафаръ отправился въ гости въ мещеряцкую деревню Кудрянь къ старшинѣ Язафару Кучукаеву; тутъ разнесся слухъ, что подъ Оренбургомъ появился государь Петръ Ѳеодоровичъ и стоитъ теперь съ войскомъ въ Бердѣ. Поэтому Канзафаръ съ Язафаромъ, взявъ съ собою четырехъ человекъ, отправились поразвѣдать о немъ. По приѣздѣ въ Берду, они были представлены однимъ полковникомъ Пугачеву, который спросилъ:

— Что вы за люди и зачѣмъ пришли?

— Намъ слышно стало,—отвѣчали они,—что появился государь Петръ Ѳеодоровичъ, а между тѣмъ у насъ есть опубликованные манифесты о кончинѣ его на татарскомъ и русскомъ языкахъ.

— Не слушайте, это все неправда,—замѣтилъ Пугачевъ,—я живъ; вотъ смотрите и манифестъ то ихъ, гдѣ меня называютъ Емельяномъ Пугачевымъ.

¹⁾ Разсказъ составленъ на основаніи показанія его въ секретной комиссіи 22-го августа 1774 года.

На вопросъ же ихъ, гдѣ онъ все это время былъ, Пугачевъ слѣдующее отвѣчалъ:

— Я долженъ былъ удалиться отъ большихъ бояръ по той причинѣ, что жилъ съ дочерью генерала Воронцова Елисаветою и какъ то разъ отлучился изъ Петербурга верстъ за тридцать; тогда и вознегодовали большіе бояры и хотѣли меня поймать, для чего послали войска, а между тѣмъ всѣ присягу приняли государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ; я же ушелъ на лодкахъ съ 60-ю человѣками въ нѣмецкія земли; жилъ въ Цареградѣ полтора года, потомъ въ нѣмецкой землѣ три года, на Кубани одинъ годъ, въ Царицынѣ, Казани и на Яикѣ; во все это время я смотрѣлъ изъ народа, что тужать-ли обо мнѣ? а больше всего къ такому скитанію побудило меня желаніе видѣть въ разныхъ мѣстахъ положеніе и настроеніе простаго народа, а также какія обиды онъ терпитъ отъ начальства.

Въ это время пришелъ къ Пугачеву депутатъ отъ Калмыцкаго войска; онъ былъ присланъ отъ своихъ начальниковъ посмотрѣть самозванца и показать ему манифестъ о кончинѣ Петра III, а также знакъ, пожалованный отъ государыни.

— Не вѣрь ты всему этому, — замѣтилъ Пугачевъ, — я живъ, останься у меня служить, я за это тебя пожалую большимъ чиномъ и знакомъ. Ступай и приводи мнѣ побольше войскъ. При чемъ на дорогу ему подарилъ кармазиннаго сукна на кафтанъ.

Канзафаръ съ товарищами остался у Пугачева и былъ въ отрядѣ старшины башкирскаго войска, князя Асланова. Участвовалъ онъ также въ походѣ самозванца подъ Оренбургъ и за храбрость во время битвы съ высланными изъ крѣпости войсками пожалованъ былъ ему чинъ походнаго полковника. Затѣмъ съ наставленіемъ злодѣя и во семью человѣками онъ былъ посланъ въ Уфимскій уѣздъ для набору толпы и возмущенія народа посредствомъ увѣренія, что Пугачевъ истинный государь, а неповоряющихся дано ему было право казнить. Тамъ ему удалось набрать до 80-ти казаковъ, съ которыми и отправился къ Кунгуру черезъ Иргинскій заводъ директора Осокина; здѣсь взято было имъ двадцать пять человѣкъ да денегъ двѣсти рублей. Въ это самое время къ нему привели какого-то капитана изъ Очиденской крѣпости, о которомъ рассказывали, что онъ сопротивляется злодѣйской партіи; Канзафаръ, въ силу своихъ полномочій, приказалъ его повѣсить. По дорогѣ въ Кунгуръ онъ повстрѣчалъ одного крестьянина, отвозившаго изъ Екатеринбургa въ Кунгурскій уѣздъ по почтовымъ станціямъ прогонныя деньги 1,775 рублей 95 к.; вся эта сумма была ограблена Канзафаромъ и препровождена черезъ казаковъ подъ Уфу

къ такъ называемому графу Чернышеву; но за этотъ поступокъ Канзафара Чернышевъ худо его отблагодарилъ; именно онъ приказалъ его сковать и привезти въ такомъ положеніи подъ Уфу, за то, что тотъ повѣсилъ капитана изъ Очиденской крѣпости, безъ его вѣдѣнія. Внезапное нападеніе на нихъ воинской команды подало поводъ къ освобожденію Канзафара, который прибѣжалъ къ Пугачеву и донесъ о всѣхъ притѣсненіяхъ отъ графа Чернышева. Потомъ онъ былъ отправленъ съ наставленіемъ о наборѣ толпы и указомъ подъ Екатеринбургъ для помощи Вѣлбородову; а по дорогѣ приказано было заѣхать подъ Уфу и явиться графу Чернышеву съ объявленіемъ о томъ, что уже видѣлся съ Пугачевымъ, который его простилъ за повѣшеніе капитана. Но въ то какъ разъ время, когда Канзафаръ былъ въ Уфѣ, туда пришелъ Михельсонъ; такъ называемый графъ Чернышевъ разбитъ; толпы самозванца были такимъ образомъ частью разбиты, а частью разсѣяны; между плѣнными былъ и Канзафаръ, который впрочемъ скоро отпущенъ домой по просьбѣ одного мещеряцкаго старшины, бывшаго въ командѣ Михельсона. Проходя разныя башкирскія и татарскія селенія, Канзафаръ достигъ татарской деревни Янычъ, гдѣ остановился ночевать у татарина Мансура; сюда же пріѣхалъ на парѣ лошадей одинъ купецъ и требовалъ онъ хозяина лошадей.

— А что за человекъ? спросилъ Канзафаръ.

— Купецъ города Ржева-Володимірова Остафій Трифоновъ сынъ Долгополовъ.

— Куда же ты ѣдешь?

— А я ѣду искать Петра Фѣдоровича, потому что меня послалъ къ нему Павелъ Петровичъ съ подарками; не знаете-ли вы гдѣ государь теперь находится?

— Стоялъ онъ недавно подъ Оренбургомъ и тамъ былъ разбитъ вѣрными войсками подъ предводительствомъ князя Голицына, такъ что ушелъ съ пятью только человекъми; я же,—продолжалъ Канзафаръ,—былъ у него въ то время полковникомъ; а гдѣ теперь онъ находится—того не знаю.

Долгополовъ показывалъ ему и подарки будто бы отъ великаго князя Павла Петровича: сапоги желтые сафьянные, шитые золотомъ, перчатки, шляпу и два камня, которые, по его словамъ, стоили 600 рублей. Далѣе съ Долгополовымъ отправился и Канзафаръ: по дорогѣ набрали они человекъ пятнадцать, съ которыми искали Пугачева семнадцать дней и нашли его въ 40-ка верстахъ отъ Оссы. По пріѣздѣ сюда, Долгополовъ отдалъ подарки, а Пугачевъ, призвавъ всѣхъ своихъ старшинъ: Ильчикула, Итколова, Еламона, Гудгуда, Ишлиенъ

Ишмета, Рахманнула, Садыма, Бѣлобородова, яицкаго атамана Андрея Афанасьева и Ивана Творогова, показывалъ имъ подарки и выражалъ свое намѣреніе идти на Казань.

— Завтра же, — сказалъ Пугачевъ, — пошлю съ нарочнымъ къ Казанскому губернатору письма, чтобы встрѣчалъ меня съ хлѣбомъ и солью; а если губернаторъ будетъ противиться, то Казань выжгу и затѣмъ пойду въ Москву, прииму Россійскій престолъ, васъ же всѣхъ распушу съ милостивыми указами въ свои жительствова.

На другой день, дѣйствительно, онъ отправился къ Казани, а Канзафара, давъ ему свой манифестъ, указъ, 50 рублей денегъ и подорожную на шесть подводъ, послалъ подъ Уфу набирать толпу людей, а непослушныхъ вѣшать. Проѣзжая по башкирскимъ и татарскимъ селамъ, Канзафару удалось на вербовать до 400 человекъ, изъ которыхъ каждому онъ вручалъ билетъ, гдѣ Пугачевъ именовался императорскимъ титуломъ. Но въ чувашской деревнѣ Ермула башкирскій старшина Кедеячъ Мулламаевъ въ сопровожденіи 50-ти человекъ схватилъ Канзафара и представилъ въ Бугульму, а оттуда его прислали въ секретную комиссію. Здѣсь онъ показалъ, что о кончинѣ покойнаго государя онъ зналъ, объ измѣнникѣ Пугачевѣ онъ слышалъ; присталъ же къ нему вслѣдствіе увѣреній Пугачева, что онъ истинный государь; при этомъ ожидалъ отъ него получить награду, такъ какъ незадолго предъ этимъ Пугачевъ обѣщалъ ему выдавать по 400 рублей въ годъ.

V.

Софья Пугачева ¹⁾).

Жена Пугачева, Софья Дмитріева, была привезена въ Казань въ началѣ самаго бунта; при ней находились ея дѣти: сынъ Трофимъ и двѣ дочери, Аграфена и Христина. Содержалась она въ Казани на частной квартирѣ, но подъ присмотромъ. Во время нападенія Пугачева на этотъ городъ, Софья съ дѣтьми была помѣщена въ секретной комиссіи, въ офицерской караульной палатѣ. Такъ какъ распространившійся пожаръ дошелъ до самаго зданія комиссіи, то капитанъ, ее оберегавшій, ушелъ со двора съ своимъ отрядомъ; услышавъ шумъ на дворѣ, Софья вышла съ ребятами и увидѣла, что внизу казаки освобождали заключенныхъ тутъ же колодниковъ. Вмѣстѣ съ послѣдними, погнали и ее на Арское поле мимо кузницъ. Тутъ одиннадцатилѣтній сынъ Пугачева Трофимъ вдругъ закричалъ матери:

¹⁾ Разсказъ основанъ на подлинномъ показаніи Софьи въ отдѣльной секретной комиссіи въ Яицкомъ городѣ.

— Матушка, смотри-тека, батюшка межъ казаковъ ѣздитъ!

— Экой собака, невѣрный супостатъ! вскрикнула Софья довольно громко, такъ что Пугачевъ, сидя вблизи на верховой лошади, въ желтомъ бѣшметѣ, могъ ее слышать; онъ потомъ оборотился къ ней и сказалъ казакамъ:

— Подержите вонъ этой бабѣ телѣгу и посадите ее съ ребятами!

Софья на эти слова поклонилась низко ему и поѣхала въ лагерь. Приѣхавши туда, она вышла изъ телѣги и сѣла съ дѣтьми недалеко отъ палатки самозванца; отсюда она могла видѣть, что происходило въ палаткѣ, такъ какъ полы ея со всѣхъ сторонъ были приподняты; тамъ сидѣло пять женщинъ въ нѣмецкомъ нарядѣ, изъ которыхъ три были дѣвки, какъ узнала она потомъ. Какъ только Пугачевъ вошелъ въ палатку, то къ нему тотчасъ подскочили двѣ дѣвки, приняли у него шапку, сняли съ него саблю и раздѣли; затѣмъ онъ легъ на перины, а въ это время дѣвки приготавливали обѣдать; обѣдалъ онъ одинъ, а всѣ приближенные казаки стояли въ почтительномъ положеніи и безъ словъ „батюшка“ и „ваше величество“ ничего не отвѣчали на его вопросы; обращался же онъ къ дѣвкамъ обыкновенно такъ: „дѣвка, подай то“, „дѣвка, одѣнь“ и тѣ бросались одна передъ другою исполнять его приказанія. Подивилась, на все это глядя, Софья, до какого почтенія дошелъ ея мужъ.

Тотчасъ же послѣ обѣда двинулся Пугачевъ съ казаками впередъ, а за ними поѣхалъ обозъ и двѣ коляски, гдѣ сидѣли женщины и дѣвки, позади же ихъ ѣхала Софья съ дѣтьми на простой телѣгѣ; по сторонамъ отъ нихъ бѣжало черни великое множество. Остановились всѣ на другой сторонѣ Арскаго поля, откуда Пугачевъ отправился въ пылавшій отъ пожара городъ, а Софья въ это время завязала разговоръ съ одной изъ приближенныхъ къ ея мужу дѣвокъ; взята она была на какомъ-то заводѣ и зовутъ ее Авдотьей.

— Мы съ батюшкой-государемъ спимъ вмѣстѣ на одной постелѣ по двѣ попеременно, а онъ всегда у насъ спитъ въ середкахъ, замѣтила Авдотья съ веселымъ видомъ, какъ бы почитая это за необыкновенно высокую честь.

Тяжело было Софьи слушать такія рѣчи, но всетаки она выдержала себя и промолчала; не сказала также той дѣвкѣ что она, Софья, законная жена, видя изъ первой встрѣчи съ Пугачевымъ, что онъ совсѣмъ не желаетъ считать ее за таковую.

По возвращеніи Пугачева изъ города, на Арскомъ полѣ произошла баталія, а потомъ весь его лагерь двинулся къ какимъ-то мельницамъ, гдѣ и заночевали; Пугачевъ былъ въ шатрѣ съ дѣвками, а Софью помѣстили въ коляскѣ.

На другой день опять происходила баталія и у Пугачева отбили одну дѣвку, боярскую дочь и двухъ женщинъ. Затѣмъ Пугачевъ бѣжалъ за Волгу, а за нимъ везли въ коляскѣ Софью съ дѣтьми. Проѣзжали многіе города, изъ которыхъ Софья помнить только одинъ Саратовъ; но на всемъ пути отъ Казани Пугачевъ съ нею ни о чемъ не говорилъ, а когда лагерь устраивали, то ставили обыкновенно двѣ палатки; изъ нихъ, въ одной помѣщалась Софья съ дѣтьми и тѣми дѣвками, которыя были не нужны ему, а въ другой онъ самъ съ двумя для него необходимыми. Всѣхъ дѣвокъ въ Саратовѣ было у него 8, двѣ взяты изъ Казани, а 6 захвачено по дорогѣ; всѣ онѣ, по выраженію Софьи, „были такія хорошія, точно написаны“.

Признаться Пугачеву, что она его жена, Софья до самаго Саратова не рѣшалась, потому что „онъ сдѣлался такой собака, что какъ только на кого разсердится и ступай въ петлю“.

Вблизи Саратова Пугачевъ вошелъ въ палатку Софьи, выслалъ всѣхъ тутъ бывшихъ дѣвокъ въ свою, а самъ съ такими рѣчами обратился къ ней.

— А что, Дмитріевна, какъ думаешь обо мнѣ?

— Да что тутъ думать-то? Буде не отопрешься, такъ я твоя жена, а это вонъ твои дѣти.

— Это-то правда. Я и не отпираюсь отъ васъ, только слушай, Дмитріевна, чтѣ я тебѣ скажу: теперь ко мнѣ пристали донскіе казаки и хотятъ у меня служить, такъ я тебѣ приказываю, неравно между ними случатся знакомые, не называй меня Пугачевымъ, а говори, что я у васъ въ домѣ жилъ и знакомъ тебѣ и мужу твоему; при этомъ сказывай, что твоего мужа въ судѣ замучили до смерти за то, что онъ меня держалъ въ своемъ домѣ.

— Какъ же я стану это говорить? я право не знаю,—возразила Софья.

— Да ты-таки сказывай, что жена Пугачева, да не говори, что моя и не говори, что я Пугачевъ. Ты видишь, что называюсь теперь государемъ Петромъ Федоровичемъ и всѣ меня за такого почитаютъ; такъ смотри же, Дмитріевна, исполняй то, что я тебѣ велю. А когда Богъ велитъ быть мнѣ въ Петербургѣ и меня тамъ примутъ, тогда тебя не оставлю. А буде не то, такъ не пеняй! изъ своихъ рукъ саблю голову несусу!

Такъ пригрозивъ, Пугачевъ вышелъ изъ палатки; съ тѣхъ поръ онъ обращался съ Софьею какъ съ хорошою знакомою и рассказывалъ казакамъ цѣлую исторію о томъ, какъ пострадалъ ея мужъ изъ-за него, какое они ему одолженіе оказали, пріютивъ въ то время, когда

онъ находился въ страшной бѣдности; за все это онъ и не желаетъ оставить эту бабу съ ребятами его благодѣтеля.

А Софья, боясь, чтобъ „этотъ собака и впрямь ее не изрубилъ, либо не повѣсилъ“, подтверждала всѣ эти рассказы.

Затѣмъ они поѣхали изъ Саратова въ Царицынъ и потомъ направились къ Черному Яру, гдѣ было съ военною командою сраженіе, на которомъ все, что у нихъ ни было, враги отбили, въ томъ числѣ и ея дочерей Аграфену и Христину. Сама же Софья переправилась черезъ Волгу съ Пугачевымъ и слѣдовала за нимъ по луговой сторонѣ до тѣхъ поръ, пока не была привезена въ Яицкій городокъ 15-го сентября 1774 года.

Примѣчаніе. Софья Пугачева и ея малолѣтнія дѣти, сынъ и двѣ дочери, были признаны невинными и «безъ наказанія» заключены въ одну изъ Финляндскихъ крѣпостей; здѣсь дочери Пугачева были еще живы въ 1827 году. Всѣ приведенные и слѣдующіе за ними рассказы есть простой, возможно близкій пересказъ подлинныхъ показаній сторонниковъ и близкихъ лицъ къ Пугачеву, данныхъ ими предъ тайными комиссіями, ихъ допрашивавшими. До сихъ поръ въ печати извѣстны только показанія самого Пугачева; показанія же его соумышленниковъ, нами приведенныя по копіи, снятой съ подлиннаго дѣла покойнымъ И. П. Шульгинымъ, или вовсе не были извѣстны, или приводимы были, какъ, напримѣръ показаніе Перфильева, въ самомъ краткомъ извлеченіи. Отсюда очевиденъ интересъ и значеніе этихъ рассказовъ въ общей массѣ матеріаловъ для исторіи Пугачевщины.

И. П.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗВѢСТІЕ О ПОИМКѢ ПУГАЧЕВА.

Милостивой государь мой Петръ Спиридоновичъ. Наконецъ Пугачевъ проклятой в рукахъ моихъ обложенъ оковами въ Лицкомъ городке, везется отъ храбрыхъ моихъ сотрудниковъ Суворова и Голицына ко мнѣ; ну, любезной приятель, предодимъ души наши достойной радости, подобно оной едвали мы вкушали в нашей жизни! Я былъ и буду единообразно всегда вашего превосходительства, милостивой государь мой, самымъ вернейшимъ слугою графъ Петръ Панинъ.

Сентября 23-го дня 1774 года.

Пенза.

Примѣчаніе. Оберъ-штабмейстеръ, Петръ Спиридоновичъ Сумароковъ, былъ прежде директоромъ кадетскаго корпуса. Записка написана небрежнымъ, спѣшнымъ почеркомъ, на влочки дурной желтоватой бумаги.

Н. Губертъ.

ПОРТРЕТЪ ПУГАЧЕВА.

Напечатавъ въ „Русской Старинѣ“ 1870 года (изданіе третье, стр. 63—174) Записки сенатора Рунича о пугачевскомъ бунтѣ, мы приложили къ нимъ портретъ Пугачева, воспроизведя его по гравюрѣ, исполненной въ 1834 г. для сочиненія А. С. Пушкина. Нынѣ, помѣщая на страницахъ нашего изданія весьма важныя для исторіи событій 1773—1774 гг. очерки и рассказы по подлинному розысному дѣлу о главнѣйшихъ пособникахъ и ближнихъ лицахъ Пугачева, мы нашли нелишнимъ передать черты этого злодѣя съ весьма интереснаго и доселѣ оставшагося неизданнымъ его портрета. Это живописный (писанъ муміей съ бѣлилами) портретъ высоты 16-ти, ширины 11-ти вершковъ, писанъ въ 1775 г., въ Москвѣ, съ натуры, по заказу майора фонъ-Маттиса, одного изъ офицеровъ, служившихъ въ отрядѣ Михельсона. Пугачевъ изображенъ въ бѣломъ нагольномъ тулупѣ, съ мѣховою оторочкою, подъ тулупомъ розовая пестрядинная рубаха съ бѣлыми точечками полосками. Волоса подстрижены по крестьянски, въ-скобку; борода небольшая, такъ же какъ и волосы, темновыштановая, лопатою. Правая рука поднята до пояса; на ней широкій поручень и два опущенныя звѣна отъ кандаловъ; лѣвая рука вытянута и надъ нею по стѣнѣ, къ которой прикованъ Пугачевъ, висятъ плоскія звѣнья цѣпи.

Въ то время, какъ на портретѣ — приложенномъ при „Русской Старинѣ“ 1870 г.—Пугачевъ изображенъ изможденнымъ, слабымъ, съ полупотухшимъ взоромъ, и всею фигурою своею напоминаетъ жалкое орудіе ватаги разбойниковъ-казаковъ, какимъ и изобразилъ его Пушкинъ въ „Исторіи Пугачевского бунта“,—на портретѣ, исполненномъ по заказу Маттіаса и писанномъ, какъ гласитъ преданіе, съ натуры,—этотъ кровожадный злодѣй именно таковъ, какимъ онъ является въ разказахъ Рунича и другихъ современниковъ, лично его знавшихъ: лицо Пугачева смуглое, худощавое, чрезвычайно энергичное и полно жизни; взглядъ черныхъ глазъ быстръ и выразителенъ. Этотъ портретъ принадлежитъ нынѣ Ревельскому историческому музею и въ 1870 г. былъ присланъ, по распоряженію бывшаго начальника Эстляндской губерніи М. Н. Галкина-Враскаго, въ „Историко-художественный русскій музей“, учрежденный въ С.-Петербургѣ, въ Солянскомъ городкѣ, на время всероссійской мануфактурной выставки.

Точно воспроизведенный съ этого портрета снимокъ, уменьшенный въ форматъ изданія, нынѣ приложенъ здѣсь въ гравюрѣ Академика Л. А. Сѣрякова. Такимъ образомъ читатели „Русской Старины“ 1876 г. имѣютъ теперь оба портрета главнѣйшихъ дѣятелей на восточной окраинѣ Россіи 1774 года: злодѣя Пугачева и его славнаго побѣдителя Михельсона.

ЕМЕЛЬЯНЪ ПУГАЧЕВЪ.

Съ портрета, находящагося въ Ревельскомъ историческомъ музее.

ПРИЛОЖЕНИЕ къ «РУССКОЙ СТАРИНѢ», изд. 1876 г. т. XVI.

ГЛАВНЫЕ ПОСОБНИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и рассказы.

VI¹⁾.

Пьяновъ²⁾.

Денисъ Пьяновъ, 50 лѣтъ отъ роду, былъ казакомъ яицкаго войска и принадлежалъ къ расколу; при вступленіи въ службу, 20-ти лѣтъ, былъ у присяги, а потому хорошо зналъ, за какія провинности велѣно дѣлать наказаніе; въ 1772 же году отставленъ отъ службы. Во время бунта яицкихъ казаковъ былъ противъ старшинъ, но при убійствѣ генерала фонъ-Траубенберга, по болѣзни, не присутствовалъ; вслѣдствіе этого, при расправѣ по поводу этого убійства, онъ не былъ наказанъ.

Въ ноябрѣ 22-го числа 1772 г., пріѣхалъ къ нему въ Яицкій городокъ, изъ села Мечетнаго на Иргизѣ, знакомый мужикъ, раскольникъ Семенъ Филиповъ, для продажи хлѣба, а съ нимъ какой-то неизвѣстный купецъ, называвшійся Емельяномъ Ивановымъ; прожили они въ городѣ семь дней. Въ то время пронеслась молва, что въ Царицынѣ появился какой-то царь; Пьяновъ спрашивалъ поэтому своихъ гостей, не слышали-ли они чего-нибудь объ этомъ?

— Да, это правда,—отвѣчалъ Ивановъ,—онъ подлинно царь Петръ Ѳеодоровичъ и хотя его въ Царицынѣ поймали, однако онъ ушелъ, а вмѣсто его замучили другаго.

— Да какъ же это можетъ статься? возразилъ Пьяновъ,—вѣдь Петръ Ѳеодоровичъ умеръ?

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 479—508.

²⁾ Свѣдѣнія объ его участіи въ пугачевщинѣ изложены здѣсь на основаніи показаній 10-го мая 1774 года въ секретной комисіи.

— Неправда,—прибавилъ Ивановъ,—онъ также спасся въ Петербургъ отъ смерти, какъ и въ Царицынѣ.

Пьяновъ, сомнѣваясь въ достовѣрности сообщеній Иванова, на этомъ прекратилъ разговоръ.

— А вотъ, какъ вамъ, лицѣимъ казакамъ, не стыдно,—продолжалъ Ивановъ,—что вы терпите такія притѣсненія въ вашихъ привилегіяхъ.

— Что же дѣлать! Такъ, видно, тому и быть! отвѣчалъ Пьяновъ.

— Не лучше-ли вамъ выйти съ Яику въ Турецкую область, на Лабу рѣку,—сказалъ Ивановъ; а на выходѣ я дамъ вамъ и денегъ, на каждую семью по двѣнадцати рублей; на границѣ же у меня оставлено до 200,000 рублей, да на 70,000 товару; вотъ на эти-то деньги. если яицкое войско согласно бѣжать, и будетъ оно содержаться.

— Да гдѣ же ты эти деньги взялъ? спросилъ Пьяновъ, да что ты, братъ, за человѣкъ?

— Я заграничный купецъ. Вотъ если вы теперь придете за границу, такъ васъ всѣхъ съ радостью турецкій паша встрѣтитъ и если войско будетъ нуждаться въ деньгахъ, то сейчасъ дастъ хотя пять милліоновъ рублей.

Пьяновъ, боясь, чтобы въ такомъ родѣ дальнѣйшій разговоръ не довелъ до какой-либо бѣды, постарался скорѣе его прекратить.

Во время недѣльнаго пребыванія Емельяна Иванова (какъ назывался Пугачевъ) у Пьянова, онъ часто ходилъ на базаръ и на бывшіе при немъ деньги купилъ для себя пестряди на рубаху, которую и сшила сноха Пьянова. Потомъ, накупивъ рыбы нѣсколько сазановъ, Емельянъ на одной лошади, а Семенъ Филиповъ на двухъ отправились обратно на Иргизъ. Черезъ нѣсколько времени пріѣхали на Яикъ съ Иргиза старики и сказывали, что Емельку велѣно ловить, по за чѣмъ — имъ навѣрно неизвѣстно; а скоро потомъ прислано повелѣніе изъ Малыковки взять Пьянова подъ караулъ за то, что Емелька Ивановъ вышеозначенныя слова въ его домѣ произносилъ и тотъ не донесъ объ этомъ; однако Пьянову удалось скрыться, а взяли подъ караулъ одну его жену Аграфену. Съ этихъ поръ Пьяновъ шатался по разнымъ мѣстностямъ, а пропитаніе доставалъ у старцевъ раскольниковъ; пробрался онъ вверхъ по Яику въ Ташлу и жилъ у казака яицака Антипьева, а потомъ былъ на Кинделѣ, въ Илецкихъ хуторахъ и нѣсколько мѣсяцевъ жилъ въ ямѣ на Общемъ Сыртѣ. Передъ Рождествомъ пошелъ онъ было тихонько на Яикъ, чтобъ войти въ свой домъ и взять хлѣба; тутъ домашніе ему объявили, что Емелька Ивановъ назвался царемъ Петромъ Федоровичемъ и прошелъ мимо Яицака городка съ командою подъ Оренбургъ; бѣдная часть яицкихъ казаковъ признала его государемъ и пристала къ нему, но пол-

ковникъ Симоновъ, сдѣлавъ себѣ укрѣпленіе, засѣлъ въ немъ. Пьяновъ выслушалъ все это, и такъ какъ былъ уже отставнымъ, то рассудилъ, что лучше не приставать ни къ той, ни къ другой сторонѣ. Въ это время возвратился съ низовьевъ Яика яицкій казакъ Михаилъ Толкачевъ съ большою толпою передавшихся на сторону Пугачева и началъ приступъ къ укрѣпленію Симонова, но не имѣлъ никакого успѣха и понесъ большой уронъ. Узнавъ Пугачевъ, что Пьяновъ находится въ Яицкомъ городѣ и послалъ за нимъ Овчинникова.

— Ступай,—сказалъ тотъ Пьянову,—скорѣе къ государю, а если этого не сдѣлаешь, то онъ тебя повѣситъ!

Это было 6-го января, а 7-го числа, когда Пугачевъ прибылъ въ Яикъ для подорванія подкопомъ укрѣпленія Симонова, Пьяновъ явился къ нему.

— Ну что, узнаешь-ли ты меня? спросилъ Пугачевъ.

— Какъ не узнать! вѣдь дѣло-то недавно было.

— Смотри же, я не Емельянъ Ивановъ, а государь вашъ Петръ Федоровичъ; я хлѣбъ и соль твою помню и тебя не забуду.

Пьяновъ, вида, что всѣ окружающіе казаки признаютъ его за государя, и самъ этому повѣрилъ; отъ Пугачева же онъ, не смотря на его обѣщанія, никогда ничего не получалъ, за исключеніемъ того, что на свадьбѣ ему подарено было 5 рублей. Самозванецъ не опредѣлилъ Пьянова ни въ какую должность, по случаю его преклонныхъ лѣтъ. Когда совершалась женитьба Пугачева на дочери яицкаго казака Кузнецова Устинѣ, Пьяновъ участвовалъ въ свадебномъ поѣздѣ и сидѣлъ съ Пугачевымъ за обѣдомъ, гдѣ присутствовали и всѣ главные сообщники; тысяцкимъ у Пугачева былъ Михаилъ Толкачевъ, а дружкой Петръ Визяковъ. Послѣ отъезда Пугачева въ Берду, самими близкими людьми къ Устинѣ были Толкачевъ съ женою, тесть и своячина; около нея былъ также и Пьяновъ, который и питался отъ Устиньнаго стола, при чемъ ни разу не удостоился чести сидѣть съ нею за обѣдомъ. При войскахъ на Яикѣ былъ атаманъ Корга, человѣкъ очень жестокій, перевѣшавшій весьма много пароду. Послѣ разбитія Пугачева, Пьяновъ, страшась, что его схватятъ, ушелъ въ степь, а въ то время, какъ пришелъ въ Яицкій городокъ за хлѣбомъ, былъ пойманъ командою Мансурова и присланъ въ Оренбургъ. Самъ Пьяновъ явиться къ правительственнымъ войскамъ не хотѣлъ, потому что не довѣрялъ слухамъ, какъ будто бы вышелъ отъ императрицы указъ, которымъ всѣ повинившіеся добровольно прощаются; никакихъ злодѣйствъ по приказу Пугачева не дѣлалъ, а

единственно, въ чемъ считаетъ себя виновнымъ—участвовалъ въ его толпѣ.

VII.

Игуменъ Филаретъ¹⁾.

Пугачевъ, живя еще на Дону, способствовалъ бѣгству за Донъ своего зятя; а потому, боясь преслѣдованія закона, строго каравшаго за всякаго рода помощь убѣгающимъ въ степи, по совѣту донскаго казака Луганской станицы Андрея Кузнецова, рѣшился бѣжать изъ своей станицы. Но куда? вмѣсто того, чтобы явиться, по совѣту Кузнецова, на Яикъ съ цѣлью уговора тамошнихъ казаковъ къ побѣгу, онъ отправился въ Слободскую Украинскую губернію, въ Изюмскій полкъ, и остановился тамъ у одного раскольника крестьянина, по прозванію Коровка; къ нему Пугачевъ обратился за совѣтомъ: какимъ бы болѣе удобнымъ способомъ можно пробраться въ Польшу? Коровка утверждалъ, что самое лучшее пройти въ раскольниковскій монастырь на Вѣткѣ, а для сопровожденія его туда онъ дастъ своего сына Антона, часто пописывавшаго фальшивые паспорта. Пугачевъ сперва не соглашался на такой маршрутъ, а хотѣлъ пробраться на поселенія въ Бендеры; но узнавъ близъ границы, что въ Бендеры не пропускаютъ съ писанными паспортами, а только съ печатными (Антонъ написалъ себѣ и Пугачеву паспорта), они повернули на Вѣтку, куда доступъ былъ легче. Пробывъ немного время на Вѣткѣ у раскольниковъ, Пугачевъ явился на Добрянскомъ форпостѣ, имѣя при себѣ нѣсколько денегъ, заработанныхъ имъ на сѣнокосѣ. Назвался онъ здѣсь польскимъ выходцемъ, утаивъ свое настоящее имя, чтобы его не задержали, и долженъ былъ просидѣть нѣсколько недѣль въ карантинѣ; во время этого отсидиванія, для своего прокормленія, онъ нанимался на разныя работы; работалъ однажды онъ у добрянскаго купца раскольника Кожевникова; у него же, вмѣстѣ съ Пугачевымъ, былъ и другой бѣглець, солдатъ, объявившій себя тоже выходцемъ изъ Польши; этотъ солдатъ какъ-то разъ проговорился Кожевникову, что Пугачевъ очень похожъ на покойнаго государя Петра III. Кожевниковъ постарался завести дружественный разговоръ съ Пугачевымъ, въ которомъ послѣдній и открылъ свое настоящее имя, отчего онъ бѣжалъ съ Дону, а также и то, какою цѣлью онъ задался—убѣжать на Кубань.

¹⁾ Составлено на основаніи показанія Пугачева; письма къ Филарету, показанія Попова въ ноябрѣ 1774 г. и показанія самого Филарета въ тайной комисіи, 8-го февраля 1774 г.

— Слушай, другъ мой,—сказалъ Кожевниковъ,—если ты хотѣлъ бѣжать за Кубань, то на это рѣшиться одному невозможно; хочешь-ли ты начать лучшее намѣреніе: здѣсь есть люди, которые находятъ въ тебѣ подобіе съ государемъ Петромъ III; прійми на себя это званіе и поди на Яикъ; я точно знаю, что яицкіе казаки теперь притѣснены; объявись тамъ подъ симъ высокимъ названіемъ государя и подговаривай ихъ бѣжать съ собой; а вотъ сей солдатъ скажется гвардейцемъ и будетъ всѣхъ увѣрять, что ты подлинно государь и что онъ тебя знаетъ, а простой народъ всему этому повѣритъ; обѣщай яицкимъ казакамъ награжденіе по 12 рублей на человѣка. Деньги же, если нужно будетъ, я тебѣ свои дамъ, да и другіе помогутъ, съ тѣмъ только условіемъ, чтобы вы насъ, раскольниковъ, взяли съ собою, ибо намъ, старовѣрамъ, жить здѣсь стало трудно и гоненіе намъ дѣлають непрестанное!

Тоже совѣтовалъ Пугачеву и другой добрянскій купецъ, Крыловъ. Потомъ, какъ Кожевниковъ, такъ и Крыловъ, уговаривали его отправиться на Иргизъ въ Мечетную слободу къ игумену раскольниковъ монастыря Филарету, который-де ему поможетъ, а также, зная всѣ обстоятельства яицкихъ казаковъ, посовѣтуетъ какъ лучше дѣйствовать; а за Филаретомъ пойдутъ всѣ тамошніе раскольники, заручившись расположеніемъ которыхъ легче можно дѣйствовать на Яикѣ.

Пугачевъ, не имѣя ничего лучшаго впереди, рѣшился, какъ ни опасенъ такой путь, дѣйствовать по совѣтамъ Кожевникова и Крылова. На возвратномъ пути изъ Добрянки, онъ, вмѣстѣ съ помянутымъ солдатомъ, зашелъ къ своему знакомому крестьянину Изюмскаго полка Коровкѣ, а потомъ отправился далѣе къ устью Медвѣдицы въ казачьи хутора Андрея Кузнецова; когда Пугачевъ объявилъ послѣдному, что идетъ селиться на Иргизъ, то Кузнецовъ сказалъ:

— Нынче и на Иргизъ стало великое гоненіе старовѣрцамъ, такъ не лучше-ли пробраться вамъ въ какое-либо другое мѣсто? Слышно здѣсь, что яицкое войско бунтуетъ; вотъ вамъ подговорить бы его бѣжать вмѣстѣ на Кубань!

— А какъ же,—спросилъ Пугачевъ,—пробраться-то на Яикъ?

— Ступай ты, братъ, въ Мечетную слободу и явись тамъ у игумена раскольниковъ монастыря Филарета, онъ мнѣ по расколу крайне знакомъ.

При этомъ Кузнецовъ далъ Пугачеву 74 рубля, чтобы тотъ передалъ ихъ брату, проживавшему на Иргизѣ.

По прибытіи на Иргизъ, солдатъ, сопровождавшій Пугачева, отсталъ и нанялся въ рекруты, а Емельянъ Ивановъ явился къ игумену Филарету, сказалъ свое имя и открылъ ему совѣты Кожевни-

кова и Крылова. Филаретъ съ радостью выслушалъ намѣренія Пугачева и при этомъ вполне обнадежилъ, что яицкое войско его приметъ, а также прибавилъ, что и самъ онъ, отецъ-игуменъ, будетъ этому способствовать всѣми силами.

Передъ отъѣздомъ въ Яицкій городокъ, Пугачевъ получилъ отъ игумна наставленіе, какимъ образомъ лучше подговорить казаковъ, а также совѣтъ пріѣхать прямо къ казаку Денису Пьянову и первому ему объявить, якобы Пугачевъ былъ подлинный государь Петръ III, и что онъ присланъ отъ игумна Филарета. Пугачевъ, заручившись такими указаніями, отправился на Яикъ съ крестьяниномъ Малыковской волости, Семеномъ Филиповымъ, какъ бы съ цѣлью купить рыбы, но дорогою рассказалъ своему спутнику о своемъ намѣреніи. За разговоръ яицкихъ казаковъ бѣжать на Кубань Пугачевъ былъ арестованъ Малыковскимъ управителемъ, который, видя, что тотъ на Яикѣ назвался купцомъ, а въ паспортѣ изъ Добрянки названъ выходцемъ изъ Польши, высѣкъ его, при этомъ узналъ его настоящее имя и послалъ для суда въ Симбирскъ. Поручено было его везти двумъ Малыковскимъ крестьянамъ, изъ которыхъ одного звали Василиемъ Шмоткинымъ. Пугачевъ, назвавшійся своимъ спутникамъ „заграничнымъ Емельяномъ Ивановымъ“, заклепанъ былъ въ ручные и ножные кандалы. Когда они прибыли, въ декабрѣ 1772 года, въ село Тарсы, лежащее на пути изъ Малыковки въ Симбирскъ, то къ нимъ присоединили еще одну бѣглую бабу, для которой нужно было подыскать подводчика; тогда-же, въ селѣ Тарсы былъ крестьянинъ, слагающій персты по раскольническому обыкновенію, но не раскольникъ, Василій Ивановъ сынъ Поповъ; ему надо было ѣхать нарочно въ Симбирскъ для полученія плакатнаго паспорта, поэтому онъ отпра­сился у своего старосты Афанасія Яковлева отправиться туда. Староста ему сказалъ:

— Чѣмъ тебѣ ѣхать въ Симбирскъ порожнякомъ, такъ наймись лучше везти туда володницу.

Поповъ на это согласился за три рубля съ полтиною. Но только что всѣ они вмѣстѣ отъѣхали отъ Тарсы верстъ тринадцать и прибыли въ село Широкій Буеракъ, ихъ нагналъ посланный отъ малыковскихъ управительскихъ дѣлъ разсылщикъ Тихонъ Петровъ сынъ Носовъ и объявилъ управительскій приказъ воротить ту женку, которую Поповъ взялся везти. Такимъ образомъ Попову приходилось ѣхать самому за паспортомъ; тогда его сталъ просить караульщикъ Пугачева, товарищъ Шмоткина, чтобы онъ взялся доставить злодѣя въ Симбирскъ, такъ какъ ему все равно нужно было ѣхать туда, при чемъ судилъ вознагражденія три рубля. Поповъ согласился, взявъ означен-

ныя деньги и далъ росписку въ приемъ. Затѣмъ продолжали путь дней десять, такъ какъ, хотя разстояніе отъ Тарсъ до Симбирска не было больше 180 верстъ, но въ это самое время была великая вьюга и метелица; изъ-за нея въ Сызрани простояли два дня, да въ экономическомъ селѣ Панчинѣ одни сутки. Дорогой Пугачевъ рассказывалъ Попову, что онъ донской казакъ и, будучи за-границею, имѣлъ въ Цареградѣ свои лавки и наторговалъ много денегъ, „но спасибо-де въ Малыковкѣ очистили меня всего“.

— Да кто же тебя обобралъ,—спрашивалъ Поповъ,—и что у тебя было-то?

— На мнѣ былъ черезъ съ серебряными деньгами и рубашка стеганная дорожная, въ которой рублей до сорока было зашито; все это снялъ съ меня малыковский повытчикъ Петръ Алексѣевъ. Богъ съ нимъ! Дай Господи жить ему съ моими деньгами!

Прибывъ въ Сызрань, остановились на постояломъ дворѣ на базарѣ, возлѣ каменной церкви. Пугачевъ, входя въ избу, жаловался, что ознобилъ ногу и просилъ снять съ него сапоги; когда присутствовавшіе стали его разувать, то изъ одного сапога выпало пять бумажекъ, заверченныхъ на подобіе патроновъ, величиною въ палецъ; въ нихъ были все червонныя; черезъ нѣсколько времени, Пугачевъ, прося купить вина на двадцать пять копѣекъ, развязалъ одинъ патронекъ, вынулъ оттуда одинъ червонный въ два рубля съ полтиной. Видя эти деньги, Поповъ его спросилъ:

— Какъ же ты, Емельянъ Ивановичъ, сказалъ мнѣ, что будто бы тебя въ Малыковкѣ всего обобрали, ну, а эти деньги гдѣ же ты взялъ?

— Это мнѣ сунулъ кумъ въ Малыковкѣ въ то время, когда меня въ сани сажали.

За виномъ сходилъ Шмоткинъ и когда принесъ, то Пугачевъ выпилъ одну чарку, а остальное отдалъ своимъ спутникамъ, которые, распивъ его, всѣ вмѣстѣ обѣдали. Послѣ обѣда Пугачевъ при всѣхъ сказывалъ, что на Иргизѣ у старца Филарета осталось его денегъ четыреста семьдесятъ пять рублей¹⁾.

— Ежели былъ бы какой писецъ,—сказалъ Пугачевъ,—такъ я бы попросилъ написать къ нему письмо о тѣхъ деньгахъ, а то, уже нечего таиться, самъ грамотѣ я не знаю.

¹⁾ Изъ допроса Пугачева въ Симбирскѣ видно, что ему были сдѣланы слѣдующія пожертвованія «для приведенія адскаго намѣренія назваться именемъ государя»: отъ крестьянина Коровки 370 руб., отъ донскаго казака Луганской ставицы Долотина 42 руб. и отъ Кузнецова 74 рубля. По словамъ Кузнецова, больше помочь Пугачеву деньгами могъ раскольникъ донской казакъ Вершининъ.

— Ну, да за чѣмъ же дѣло стало,—замѣтилъ Поповъ,—изволь, я тебѣ напишу.

— Пожалуй, другъ мой, напиши.

Поповъ досталъ у хозяина чернильницу и бумагу; писалъ онъ со словъ Пугачева. Содержаніе этого письма было таково, чтобы игумень Филаретъ или самъ привезъ къ нему оставленные у него деньги или прислалъ бы съ Поповымъ. Этими деньгами Пугачевъ намѣренъ былъ избавиться отъ тюрьмы; онъ очень просилъ Попова, чтобы тотъ непременно отдалъ это письмо Филарету, прибавляя, что „я-де тебя награжу за труды тридцатью рублями“, а потомъ приказалъ Попову писать, что будто онъ занялъ у него тридцать два рубля, говоря: „два-то рубля я прибавляю для того, чтобъ отецъ Филаретъ тѣмъ болѣе увѣрился, что я тебѣ прямо долженъ и потому отдалъ бы деньги“.

По написаніи этого письма, Пугачевъ взялъ его себѣ и показалъ при этомъ какое-то колебаніе.

— Богъ его знаетъ,—говорилъ онъ,—не стоитъ посылать! Нѣтъ, подожду еще, подумаю.

Поповъ обращался съ нимъ чрезвычайно снисходительно, и думая, что получить отъ старца обѣщанныя деньги, кормилъ его въ продолженіи всей дороги на свой счетъ. Проѣхавъ отъ Сызрани верстъ двадцать, въ помѣщичьемъ селѣ Симіоновѣ, спутникъ Попова, Василій Шмоткинъ, показывая ему изъ своей руки девять червонныхъ, говорилъ ему тайно отъ другихъ:

— Знаешь ли что, вѣдь нашъ Емельянъ хочетъ отъ насъ уйти, и вотъ и мнѣ далъ эти золотые, такъ какъ ты думаешь, Василій Ивановичъ, не прижать ли мнѣ ихъ?

— Нѣтъ,—отвѣчалъ Поповъ,—этого не дѣлай! Пропадай онъ съ ними, отдай ему назадъ! Что намъ его еще обирать; да смотри, братъ, теперь держи ухо-то остро! Не давай ему возжей въ руки. Благо, ты сказалъ, я и самъ не сойду теперь съ сайей и не выпущу изъ рукъ рогатины.

Послѣ этого они стали его приковывать другими желѣзами къ саянямъ. Однако о попыткѣ Пугачева бѣжать они никому не сообщили.

На второмъ отъ Сызрани ночлегѣ, Пугачевъ сталъ негодовать на свое положеніе, говоря:

— У меня все теперь имѣніе пропадаетъ. Вѣдь въ Стародубѣ и Цареградѣ есть много моихъ денегъ; если бы кто меня теперь увезъ, такъ бы того человекъ я Богъ знаетъ какъ обогатилъ. Что, Василій Ивановичъ, обращался онъ къ Попову, не согласишься-ли ты на это? Сдѣлай милость! Если Богъ насъ принесетъ по добру по здорову въ Стародубъ, то я тебя невѣстъ какъ награжу.

— Нѣтъ, Емельянъ Ивановичъ,—отвѣчалъ Поповъ,—не надо мнѣ твоихъ милліонъ-милліоновъ! Воля твоя, мнѣ своя голова дороже всякаго богатства; вотъ ежели позволишь мнѣ взять у отца Филарета твои деньги, такъ, пожалуй, я привезу къ тебѣ, это ничего не стоитъ.

— Ну, такъ воля твоя! если не хочешь,—сказалъ Пугачевъ,—со мною уѣхать, такъ по крайней мѣрѣ выходи ты мнѣ у старца деньги и привези ко мнѣ поскорѣе.

Объ этомъ разговорѣ Поповъ тоже никому не рассказывалъ. По прїѣздѣ въ Симбирскъ, Пугачевъ былъ представленъ тотчасъ въ канцелярію, а такъ какъ въ это время присутствія не было, то принялъ его дневальный сержантъ Соколовъ; онъ посадилъ Пугачева съ другими колодниками, въ прихожей, гдѣ стояла въ бочкахъ денежная казна, а сопровождавшимъ его приказалъ приходить на слѣдующее утро за роспискою. На разсвѣтѣ Поповъ и Шмоткинъ явились въ канцелярію, но тамъ никого изъ приказныхъ не нашли; поэтому Шмоткинъ, часто привозившій и раньше колодниковъ въ Симбирскъ, отправился на квартиру сержанта для полученія росписки, а Поповъ остался въ канцеляріи дожидаться его возвращенія. Между тѣмъ, Пугачевъ, сидя на бочкѣ, подовалъ Попова къ себѣ, и отдавая ему въ руки раньше написанное письмо къ Филарету, просилъ его, говоря такъ, чтобы слышали бывшіе тутъ люди:

— Сотвори милость, Василій Ивановичъ, отвези, пожалуй, ты это письмо къ отцу Филарету, да привези сюда ко мнѣ денегъ, ради Бога, какъ можно скорѣе.

— Пожалуй, ежели отдадутъ мнѣ тамъ деньги,—отвѣчалъ тоже громко Поповъ,—такъ я заразъ привезу.

— Сдѣлай милость, не замѣшкайся,—просилъ Пугачевъ, отвѣшивая ему поклоны.

Такъ какъ Шмоткинъ послѣ этого скоро возвратился съ роспискою, а Попову съ сыномъ паспорта не соглашались дать, потому что долженъ былъ присутствовать и сынъ, то они тотъ же часъ и выѣхали домой. Въ день Богоявленія прибыли они въ село Тарсы; на другой день Поповъ ходилъ къ экономическому земскому Петру Ильичу и рассказывалъ, что колодникъ Емельянъ Ивановъ просилъ его взять у старца Филарета оставленные имъ деньги и привезти къ нему въ Симбирскъ, за что обѣщалъ ему подарить тридцать два рубля.

— Вотъ, посмотри, пожалуй, Петръ Ильичъ,—сказалъ Поповъ, подавая земскому письмо къ Филарету; я самъ написалъ со словъ его письмо къ игумену, но мнѣ нельзя его объявить, да и не повѣрять, потому что оно писано моею рукою; такъ пожалуй, сдѣлай милость, напиши ты своею рукою къ Филарету, да пострадай его хорошенько,

авось-либо онъ и отдасть, а я ежели получу, то не забуду твоихъ трудовъ.

— Изволь, для чего не написать, — сказалъ земской, прочтя письмо, продиктованное Пугачевымъ Попову, — поди теперь домой, я уже знаю какъ написать; не бойсь, отдасть, коли есть подлинно у него деньги.

Вотъ письмо, сочиненное земскимъ къ Филарету отъ имени Пугачева.

— „Горняго Иерусалима жителю, подражателю ангельскихъ бесплотныхъ силъ ревнителю, широкаго и пространнаго пути уклонителю, ходящему по словеси Господни узкимъ путемъ, смиренному великому игумену Мечетныя обители Филарету желаю о Христѣ и съ братією радоваться.

„О семъ вашему смиренію покорно доношу, имѣется у васъ подъ охраненіемъ въ положеніи собственныхъ моихъ денегъ четыреста семьдесятъ рублей, которыя деньги я, рабъ вашъ, за несчастіемъ моимъ, паче за захваченіемъ меня и скорымъ въ Симбирскую городскую канцелярію отвозомъ, я низайшій отъ васъ ничего не получилъ, кои и остались у васъ и нынѣ благодарю ваше смиреніе, что вы оныя хранили; тоцію прошу ихъ переслать ко мнѣ въ Симбирскъ съ надежною оказією, съ симъ письмоподателемъ Василиемъ Ивановичемъ, о которомъ вашему смиренію о несомнѣннѣи объявить точно имѣю, что онъ, будучи въ Симбирскѣ, удостоился быть усерднѣйшимъ слугою и во время своего бытія до меня низайшаго здѣсь чинилъ всякія благодѣянія и, въ случаѣ моей нужнѣйшей надобности одолжилъ меня собственными своими деньгами тридцатью двумя рублями, коими здѣсь я и пользуюсь. Вы же, государь батюшка, меня низайшаго совсѣмъ оставляете безъ помощи; можно бы вамъ обо мнѣ быть извѣстнымъ, вѣдь я давно стражду, а вы и тутъ-то меня ничѣмъ не снабждаете; какъ васъ, батюшка, не побуждаетъ сердечная жалость! а нынѣ я вижу отъ людей себѣ хоть малую помощь, а вамъ бы есть изъ чего и думаю, что еще и останется, но нѣтъ попеченія вамъ! Мнѣ крайняя нужда пришла и въ бѣдности содержусь, а еслибы не оно постигло, то я и такъ исправился бы; теперь же содержусь въ Симбирскѣ, да кромѣ того получилъ извѣстіе, что изъ Симбирска и въ Казань обѣщали вывести, гдѣ бы и смерть вкусилъ; да уже вашими отеческими молитвами и стараніемъ нѣкоторыхъ людей возвращенъ и содержусь все въ Симбирскѣ, но подъ неволею въ домѣ ассесора Федора Григорьевича, коему я и посулилъ, для моего освобожденія, также черезъ людей и воеводѣ, и секретарю, и въ прочія мѣста триста рублей, то и обѣщаютъ освободить и надобно въ томъ имъ не солгать и оно отдать, но нечѣмъ, ибо я совсѣмъ бѣденъ; имѣлъ я на ваше смиреніе

большую надежду, анъ погибло мое упованіе всуе; однако же нынѣ надѣюсь, хоть мало, что вы съ подателемъ сего оныя пришлете; а ежели отъ вашего смиренія оныхъ я въ присылкѣ сюда скоро не увижу, то вамъ не на пользу и я, по нестерпѣливости своей, послать къ вамъ перепрошу отсюда нѣсколько команды и васъ разорять до основанія; мнѣ жаль васъ, чтобы вамъ ничего въ томъ поврежденія не послѣдовало, а тѣмъ еще жалостнѣе, что тутъ иной и безвинно пропадетъ; да быть не знаю какъ, вы сами себѣ разсудите, батюшка, вѣдь мнѣ горько терпѣть; еще бы я на волѣ былъ и тутъ жалко своего добра, чтобы не потерять. Ваше смиреніе! люди и со стороны награждаютъ нищихъ, подавая милостыню, и изъ темницы исключаютъ, предвидя себѣ нѣкоторую пользу, а вы знаете, что мзда съ вами есть; а ежели, батюшка, означенныя мои деньги вы ко мнѣ съ подателемъ сего письма пришлете, то уповаю я быть, черезъ просьбу свою и стараніе добрыхъ людей, свободенъ скоро; а по освобожденіи обявую себя какъ ваше смиреніе, такъ и всю вашу обитель наградить полнымъ числомъ, а особливо, что прежде обѣщаль, полторы тысячи; истинно вамъ не солгу, право теперь мнѣ нужда; вы и сами знаете, что у меня деньги были, да обобрали въ Малыковкѣ и поясъ съ ними съ меня сняли, а также и кафтанъ. Да, пожалуйста, отецъ государь, постарайся обо мнѣ какъ можно. Итакъ, остаюсь въ Симбирскѣ писавъ то. Низайшія рабъ вашъ Емельянъ Ивановъ, декабрь 1772 года“.

На другой день, передъ обѣдомъ, пришелъ въ домъ Попова земской и принесъ съ собою письмо; прочтя его, земской сказалъ:

— Поѣзжай, не бойсь, къ Филарету; какъ ему по этому письму не отдать! а не то, тури его самого отвезти къ Пугачеву; вѣдь видишь, большая ему въ нихъ нужда.

Поповъ поблагодарилъ земскаго за трудъ тѣмъ, что наполнилъ винномъ, и, въ случаѣ удачи его ходатайства, обѣщаль дать денегъ. Потомъ Поповъ отправился къ своимъ сельскимъ попамъ Алексію Семенову и Петру Иванову, да къ сотнику Ивану Вавилову и къ подъячему приказной избы Трофиму Герасимову посовѣтоваться на счетъ того, ѣхать-ли ему къ игумну или нѣтъ? Они же, прочитавши письмо, сказали:

— Для чего же не ѣхать? Съѣзди, авось-либо онъ тебѣ тѣ деньги и отдастъ.

Тогда уже онъ окончательно рѣшился отправиться на другой день въ скитъ Филарета, отстоящій отъ Тарсъ верстахъ въ семидесяти. За десять верстъ до Мечетной слободы, Поповъ встрѣтилъ Филарета съ незнакомыми ему старцами и когда онъ увидѣлъ, что они своротили въ селѣ Березовомъ къ крестьянину Федору Кулагину, то и самъ

туда направился. Войдя въ избу, онъ подалъ игумну письмо при хозяинѣ и другихъ старцахъ и ждалъ отвѣта.

Филаретъ, прочтя про себя и отдавая назадъ, сказалъ:

— Нѣтъ, братецъ, пустое! нѣтъ у меня никакихъ его денегъ; напрасно онъ на меня клеветъ; моихъ денегъ—такъ есть на немъ рублей со сто; онъ у меня взялъ, какъ поѣхалъ на Лигъ, да и тѣ, видно, теперь пропадутъ.

— Какъ же, батюшка, неужели онъ съ хаюру какого это написалъ? съ большимъ удивленіемъ возразилъ Поповъ. Какъ же бы ему написать-то, коли бы ихъ у васъ не было?

— Ну да, вольно ему врать-то! Вѣдь мы ему проводчики, такъ, пожалуй, еще и не то напишетъ, такъ что же ему и вѣрять? Нѣтъ у меня его денегъ ни полушки.

— Да что же это, я принималъ трудъ-то понапрасну?

— А что же, я что-ли виноватъ? Дѣлай съ нимъ, что кочешъ, а я тутъ сторона.

Получа отъ Филарета такой рѣшительный и неожиданный отвѣтъ, Поповъ возвратился въ село Тарсы и объявилъ о неудачѣ своимъ односельчанамъ, съ которыми раньше совѣтовался, о напрасномъ трудѣ.

— Поэтому видно,—сказали они,—что онъ тебя обманулъ: какъ бы старецъ загалъ такіа деньги, еслибы они у него были.

Бросилъ это письмо Поповъ, негодуя на неудачу своей попытки.

Вотъ дальнѣйшая судьба Попова. Съ весны 1773 г. по Троицннъ день 1774 г., онъ пробылъ на промыслахъ въ Астрахани; а когда пріѣхалъ домой, то пришелъ къ нему подъячій Трофимъ Герасимовъ и сказалъ, что въ Малыжковѣ находится „секретный“, гвардіи поручикъ Державинъ, который приказалъ его, Попова, тотчасъ прислать, какъ возвратится домой, потому что онъ возилъ въ Симбирскъ Емельяна Иванова; „такъ смотри же,—прибавилъ подъячій,—явись ты самъ къ нему, вѣдь ты знаешь, что этотъ самый Емельянъ Ивановъ называетъ себя государемъ Петромъ Третьимъ, да и невѣсть сколько надѣлалъ бѣдъ“. Поповъ, хотя и слышалъ въ Астрахани указы о самозванцѣ, но его тамъ называли Пугачевымъ, а потому и не могъ представить, чтобы „могло отъ такого скареда столь велико зло произойти“. Скоро онъ явился къ Державину и сказалъ, что возилъ Емельяна Иванова въ Симбирскъ, а также и письмо отъ него къ Филарету. Державинъ, „страшая его мученіемъ“, приказалъ тотчасъ же представить это письмо. Когда же его допрашивали, кто это письмо писалъ? то Поповъ сначала показалъ, что самъ Пугачевъ; ему сообщили, что тотъ безграмотенъ, и тогда только онъ признался, что писалъ то письмо земской Удаловъ. Въ тотъ же день Державинъ отправилъ Попова

въ Саратовъ въ Саратовскую опекунскую контору и при этомъ приказывалъ развѣдывать по сю сторону Волги, не будетъ-ли тутъ какихъ злодѣйскихъ скопищъ и увѣдомилъ бы его, а если здѣсь ничего не развѣдаетъ, то ѣхалъ бы на Узень для того же самаго. Поэтому онъ, подавши означенный пакетъ, переѣхалъ черезъ Волгу въ Покровскую слободу; тутъ онъ услышалъ, что три казака подговариваютъ мѣстныхъ жителей къ участію въ злодѣйской толпѣ, которая шла тогда къ Казани; донесъ коменданту Ивану Константинову, который отправилъ вмѣстѣ съ нимъ казака Афанасія Уфимцева арестовать ихъ; это имъ вполнѣ удалось, такъ какъ три вышеупомянутые казака, не подозрѣвая ничего враждебнаго, сидѣли въ кабакѣ съ своими соумышленниками. Но такъ какъ эти казаки не признались предъ комендантомъ въ подговорѣ, то онъ ихъ посадилъ въ каменную тюрьму, а самого Попова подъ караулъ, въ острогъ. По пріѣздѣ же Державина въ Саратовъ, дѣло о Поповѣ не могло разбираться, такъ какъ Пугачевъ былъ уже очень близко отъ этого города. Когда вступилъ Пугачевъ въ Саратовъ, то выпустилъ изъ тюремъ всѣхъ колодниковъ, въ числѣ которыхъ и Попова; хотя онъ былъ очень боленъ отъ продолжительнаго ареста безъ вины, но всетаки и его погнали въ злодѣйскій станъ; выбившись изъ силъ, онъ упалъ замертво вблизи кузницы, гдѣ и пролежалъ цѣлую ночь въ безпамятствѣ. На другой день подѣхали къ нему два казака и, когда онъ проснулся, приневолили идти въ злодѣйскій станъ; на дорогѣ попались ему тѣ три казака, которыхъ Поповъ арестовалъ раньше, въ Покровской слободѣ; они бросились на него съ остервененіемъ, нанесли ему нѣсколько ранъ въ голову, отчего тотъ безъ чувствъ упалъ на землю, и думая, что лишили его жизни, ушли далѣе. Лежалъ Поповъ тутъ два дня и опаматовался только на третій, когда вошелъ въ городъ полковникъ Михельсонъ: его солдаты захватили полуживаго Попова, отвели въ острогъ и опять заковали; просидѣлъ онъ здѣсь цѣлыхъ три мѣсяца безъ всякой заботы объ его здоровьѣ, такъ что, по обширности ранъ, завелись въ нихъ черви; нашлась, впрочемъ, какая-то благодѣтельница, которая спасла его жизнь: повытаскала изъ ранъ червей, намазала раны нефтью и два раза присыпала ихъ купоросомъ. Спустя три мѣсяца, майоръ Мансуровъ отправилъ его сперва въ Симбирскъ, а потомъ въ Казань въ секретную комиссію.

Между тѣмъ въ октябрѣ 1773 года, игуменъ Филаретъ, предъ которымъ столь неудачно ходатайствовалъ о деньгахъ Пугачева злополучный Поповъ, былъ посланъ отъ всѣхъ четырехъ скитовъ въ Казань для испрошенія, чтобы съ этихъ скитовъ въ послѣдній рекрутскій наборъ не требовали рекрутъ, такъ какъ годныхъ къ этому

людей совсѣмъ не было. При немъ былъ билетъ отъ управительскихъ дѣлъ Малыковской волости и просительное письмо отъ смотрителя Ивана Васильева къ подполковнику Ивану Леонтьевичу Мильковичу; да кромѣ того приказано было игумну Филарету написать въ Казани два мѣстныхъ большихъ образа. Въ Казани онъ не засталъ Мильковича; ему сказали, что тотъ отправился въ Рыбную слободу, отстоящую отъ Казани на шестьдесятъ верстъ. По приѣздѣ туда, игумень поднесъ подполковнику разныхъ харчей, какъ-то: икры, рыбы и прочаго, а потомъ вручилъ ему просительное свое письмо. На это Мильковичъ, въ свою очередь, написалъ письмо къ казанскому прокурору. Отправился Филаретъ обратно въ Казань къ прокурору, но тотъ ему такую резолюцію далъ: „поѣзжай ты въ Симбирскъ и испроси въ канцеляріи, чтобы она выправила о лѣтахъ, подлинно-ли въ тѣхъ скитахъ годныхъ въ рекруты людей нѣтъ“. Затѣмъ прокуроръ приказалъ секретарю Балахонцеву все это написать въ отвѣтъ подполковнику Мильковичу. Взявши этотъ отвѣтъ, Филаретъ отправился на квартиру въ домъ къ своему знакомому крестьянину, раскольнику Василию Федорову сыну Щелокову; самого-то его не было дома, такъ какъ онъ взялъ подрядъ въ Петербургъ, а засталъ Филаретъ только одну его хозяйку Феклу Ивановну, тоже раскольницу. Происходило все это въ первыхъ числахъ ноября мѣсяца 1773 года. А такъ какъ Филарету надо было еще заказать иконы, то онъ и розыскивалъ мастера; нашелся какой-то раскольникъ цеховой Козьма Ивановъ, который подрядился написать одинъ образъ Покрова Богородицы, а другой „Отецъ, Сынъ и св. Духъ“ за тридцать рублей. Ожидая образовъ, Филаретъ долженъ былъ прожить въ Казани до 20-го января 1774 года; въ продолженіи всѣхъ праздниковъ онъ никакого знакомства ни съ кѣмъ не заводилъ, а только хаживалъ къ нѣкоторымъ раскольникамъ: Ивану Васильеву, разслабленному Никифору Кузьмину, по прозванію Дружинину, Дмитрію Иванову и друг. Между тѣмъ онъ постоянно поуждалъ иконописца, чтобы тотъ скорѣе окончилъ образа, чтобы ему, старцу, можно было ихъ взять.

Въ бытность его въ Казани одному сообщнику Пугачева была присуждена смертная казнь; Филаретъ ходилъ на это смотрѣть и слышалъ въ народной толпѣ—„а кто именно говорилъ, то хоть жили вытани изъ меня, то не могу сказать, потому что не знаю“, — что корпусъ генералъ-маіора Кара весь разбитъ злодѣйскою партією Пугачева, а самъ онъ отправился на Москву; да кромѣ того Филаретъ тамъ же слышалъ, что пришли въ Казань семь армейскихъ полковъ и одинъ гусарскій, а вблизи Бугульмы имѣются злодѣйскіе разѣзды, башкирцы и татары, и что тѣ пришедшіе полки вы-

сланы изъ Казани для охраненія Бугульмы; рассказывали тутъ же, что возвратился изъ злодѣйской толпы сержантъ, который былъ захваченъ въ злодѣйскую толпу въ то время, какъ посланъ былъ въ Бугульму съ двадцатью пудами пороха и пятью человѣками команды; все это было на дорогѣ злодѣями ограблено, спасся только одинъ сержантъ и, прїѣхавъ къ Бибикову, заявилъ, что хотя и былъ въ стану Пугачева, но видѣть его не допустили, „а государь-ли онъ, или кто другой, о томъ никто не знаетъ“.

Послѣ окончанія казни, Филареть возвратился въ домъ Щелковой, гдѣ пѣлый день, по его показанію, проплакалъ изъ сожалѣнія, какъ христіанинъ, о томъ, что отъ междоусобія происходятъ такія несчастія; между тѣмъ онъ все чаще сталъ ходить къ живописцу и торопить его поскорѣе окончить иконы; только 20-го числа января онъ въ состояніи былъ выѣхать въ Сызрань, а не въ Симбирскъ, потому что поистратился деньгами и просьбы о рекрутчинѣ производить было нечѣмъ. По прїѣздѣ въ Сызрань, онъ пошелъ на рынокъ; здѣсь какіе-то два казака отвели его за пустыя лавки и стали у него выспрашивать:

— Откуда прїѣхалъ, чтó въ Казани дѣлается, чтó слышно о Бугульмѣ?

Филареть пересказалъ имъ все слышанное во время казни.

Въ послѣдствіи въ секретной комисіи Филареть далъ еще слѣдующее показаніе:

— Пугачева я считаю злодѣемъ и бѣглымъ съ Дону казакомъ, во 1-хъ, потому, что манифестами такъ объ немъ опубликовано, во 2-хъ, когда онъ злодѣй выѣхалъ изъ Польши и явился въ Малыковкѣ, а потомъ прїѣхалъ ко мнѣ въ Введеній скитъ, то я его спросилъ, чтó за человѣкъ и имѣеть-ли онъ паспортъ? Въ отвѣтъ на это онъ назвалъ выходцемъ изъ Польши и объявилъ, что, какъ раскольникъ, намѣренъ поселиться въ здѣшнемъ скитѣ; почему онъ и переночевалъ двѣ ночи, а затѣмъ отправился съ прїѣхавшими съ Яику за хлѣбомъ какими-то казаками на Яикъ, а пробывъ тамъ съ недѣлю, возвратился въ Малыковку съ рыбой. Тогда и получено было съ Яику сообщеніе объ немъ съ прописаніемъ его бездѣльствъ и велѣно его ловить; скоро его и словили на постояломъ дворѣ и представили къ управительскимъ дѣламъ, при доношеніи. Въ 3-хъ, когда Пугачевъ изъ Казани бѣжалъ и спустя недѣль десять прибылъ опять въ Мечетную слободу ночью порою, то я съ жителями прилагалъ стараніе поймать его; товарища его взяли возлѣ рѣки Иргизу, у самаго Пахомьева скита, а самъ Пугачевъ, какъ видно, въ лодкѣ за Иргизъ переѣхалъ; а по причинѣ ночной тогда поры, а также мно-

жества на той сторонѣ кустовъ, какъ ни старались, все-таки отыскать его не могли.

VIII.

Дружининъ ¹⁾.

Парфенъ Петровъ сынъ Дружининъ, сорока восьми лѣтъ отъ роду, былъ купцомъ пригорода Алата, Казанской губерніи; проживалъ въ этомъ пригородѣ своимъ домомъ, имѣя семью: жену Домну, сыновей Филимона 19-ти лѣтъ, Максима 6-ти лѣтъ и дочь Мавру 9-ти лѣтъ. Въ 1772 году, по выбору Алатовскаго купечества, былъ онъ назначенъ цѣловальникомъ при продажѣ казенной соли въ ясачномъ селѣ Стрѣтенскомъ, тоже Казанской губерніи; послѣ продажи соли, деньги внесъ въ Казанскій магистратъ, но при этомъ оказался на немъ начеть за семь тысячъ пудовъ соли—двѣсти двадцать рублей; убыль же эта произошла не отъ его корыстолюбія, а просто по причинѣ утечки и усушки соли. Въ 1773 году, въ январѣ мѣсяцѣ, слѣдствіе по этому дѣлу производилось сперва въ Казанскомъ магистратѣ, при чемъ Дружининъ содержался подъ карауломъ больше пяти недѣль, а потомъ самое дѣло отослано было въ Казанскую губернскую канцелярію; въ это время Дружининъ содержался въ острогѣ съ половины Великаго поста до Петрова; тогда-то онъ встрѣтился въ острогѣ съ Пугачевымъ и совершилъ съ нимъ побѣгъ слѣдующимъ образомъ:

Познакомился Дружининъ съ бѣглымъ донскимъ казакомъ Емелькою Пугачевымъ, ѣлъ съ нимъ вмѣстѣ кашу, а также и спалъ; когда же Дружининъ любопытствовалъ, за что Пугачевъ сидитъ, то тотъ отвѣтилъ, что содержится „въ крестѣ и бородѣ.“ Передъ Петровымъ постомъ какъ-то наказывали изъ того же острога колодника Новоселова за смертоубійство, а потомъ привели обратно въ острогъ.

— Что, Емелька,—сказалъ Дружининъ,—вѣдь того и смотри насъ съ тобою также вотъ выведутъ, да и ну съчъ!

— А что иначе подѣлаешь? отвѣчалъ Пугачевъ; не бѣжать ли намъ отсюда?

— Да какъ же бѣжать-то и куда?

— А вотъ какъ: когда насъ изъ острога погонятъ для работы на Арское поле и если карауль-то будетъ не великъ, то сѣвъ на судно, а теперь еще и вода полая, да и были таковы!

— Ну, а куда же намъ бѣжать-то?

— Прямехонько выѣдемъ на Иргизъ, отвѣчалъ Пугачевъ.

Спустя немного времени, къ Дружинину пришелъ его старшій сынъ Филимонъ для подачи на пропитаніе ему денегъ. Дружининъ и объ-

¹⁾ На основаніи его показанія въ тайной экспедиціи 25-го марта 1776 года.

явилъ ему тайно отъ караульныхъ о своемъ намѣреніи бѣжать и приказывалъ ему купить для этого лодку; сынъ отказывался было это дѣлать, но когда Дружининъ сталъ его клясть „страшною клятвою,“ тогда онъ согласился. На другой день опять пришелъ Филимонъ въ острогъ и сказалъ отцу, что лодка готова; узналъ тотчасъ же и Емелька, но удобнаго случая къ побѣгу въ скорости не оказалось, а потому и намѣреніе ихъ такъ и не исполнилось.

Спустя немного времени, Пугачевъ опять сталъ совѣтовать Дружинину:

— Побѣжимъ, братъ, сухимъ путемъ; да только вотъ что, пѣшимъ быть-то никакъ нельзя.

— Конечно, надо купить лошадь.

— А деньги-то гдѣ?

— Я лошадь-то куплю, только какъ уйти и куда мы дѣнемся?

— Мало ли мѣста,—замѣтилъ Пугачевъ,—на Иргизъ, на Яикъ, а то такъ на Донъ! ужъ объ этомъ не пекись, найдемъ дорогу! лишь бы вотъ отсюда какъ нибудь выбраться.

Когда пришелъ къ Дружинину его сынъ Филимонъ съ пищею, то отецъ ему опять объявилъ о своемъ намѣреніи бѣжать, для чего приказывалъ купить лошадь. Какъ и прежде, сынъ хотѣлъ было уговорить отца не дѣлать этого въ виду болѣе жестокаго наказанія, если попадется, но родительская власть опять разразилась клятвами, угрожая совсѣмъ его проклясть, если будетъ тотъ препятствовать этому дѣлу. Долженъ былъ покориться Филимонъ родительской волѣ, пошелъ и купилъ лошадь да телѣгу; а на слѣдующій день извѣстилъ объ этомъ отца. На часахъ въ острогѣ въ то время стоялъ солдатъ изъ малороссовъ Григорій Алексѣевъ.

— Что служивый,—подсмѣиваясь сказалъ ему Пугачевъ,—служить ли ты хочешь или на волю бѣжать?

— Я бы давно уже бѣжалъ,—отвѣчалъ Алексѣевъ,—да не знаю куда бѣжать-то; видишь ли, сталъ отъ своей стороны очень далеко

— Бѣжимъ со мною,—сказалъ Пугачевъ,—да вонъ съ этимъ чело-вѣкомъ, и указалъ на Дружинина.

— Пожалуй! я готовъ, куда хотите.

Дружининъ, слыша, что и солдатъ согласенъ на побѣгъ, сообщилъ Пугачеву, что лошадь съ телѣгою готова; надо было только найти поудобнѣе мѣсто, гдѣ все это могло быть наготовѣ.

— У меня есть знакомый попъ,—сказалъ Дружининъ,—такъ мы утромъ выпросимся у офицера для нужды къ нему и тамъ посидимъ маленько, а сыну прикажу, чтобы онъ дожидался насъ у церкви, которая напротивъ попова двора.

На четвертый день Петрова поста 1773 года, они хотѣли привести свой замыселъ въ осуществленіе. Когда все было готово и Филимонъ общалъ выѣхать къ церкви, Пугачевъ и Дружининъ отправились къ дежурному офицеру просить объ отпускѣ; офицеръ ихъ тотчасъ отпустилъ за карауломъ Алексѣева и еще другаго солдата. Когда же они всѣ пришли къ попу, то не застали его дома и, не дожидаясь его прихода, возвратились назадъ.

— Что же вы такъ скоро пришли? спросилъ офицеръ.

— Да попа не застали дома.

Часа черезъ три опять отпросились они у офицера къ попу; на этотъ разъ попъ былъ дома. Дружининъ, поздоровавшись съ попомъ и вынувъ нѣсколько денегъ изъ кармана, послалъ его купить вина, пива и меда; возвратился попъ и стали они распивать все это, особенно старались напоить незнакомаго имъ солдата, который не зналъ объ ихъ умыслѣ. Когда все выпили, то Дружининъ опять послалъ за виномъ. Скоро возвратился попъ съ цѣлымъ штофомъ и опять стали они угощать солдата, такъ что тотъ совсѣмъ опьянѣлъ. Затѣмъ, простясь съ хозяиномъ, вышли они всѣ четверо со двора. Попъ совершенно не зналъ о намѣреніи Дружинина и Пугачева, а потому, проводивши ихъ до воротъ, вошелъ сейчасъ въ домъ. Отошедши нѣсколько шаговъ отъ воротъ, увидѣли они кибитку съ сыномъ Дружинина. Чтобы другой солдатъ не догадался, Дружининъ закричалъ сыну:

— Эй, ямщикъ! что возьмешь отвезти въ Кремль?

Филимонъ подѣхалъ, а Дружининъ и Пугачевъ посадили сперва пьянаго солдата въ телѣгу, а потомъ уже сѣли сами и, закрывъ кибитку рогожею, поѣхали изъ города по большой Казанской дорогѣ.

— Что, братъ, такъ долго ѣдемъ? спрашивалъ пьяный солдатъ у Пугачева послѣ того, какъ они отѣхали отъ Казани восемь верстъ.

— А вотъ видишь,—сказалъ Емелька,—кривою дорогою везутъ. Отѣхавъ же еще полъ версты, Дружининъ, взявъ этого солдата въ охапку, высадилъ изъ кибитки. Остался солдатъ изумленный и непонимавшій, какъ это онъ очутился въ чистомъ полѣ; а тѣ, между тѣмъ, ударили по лошади и поѣхали по большой дорогѣ; ночью достигли они татарской деревни Чирши, въ которой была Дружинина жена съ малолѣтними дѣтьми, сыномъ и дочерью. Захвативъ съ собою семью, Дружининъ, отѣхавъ немного отъ деревни, свернулъ въ лѣсъ, гдѣ они и пробыли до слѣдующей ночи, а потомъ направились къ Алатову, чтобы взять тамъ въ его домѣ святыя образа; но въ домѣ его стоялъ уже караулъ. Поэтому ночью проѣхали черезъ пригородъ, такъ что никто ихъ не видалъ, и у Куровскаго перевоза переѣхали они черезъ Вятку; затѣмъ направились на Керженки, а

оттуда на Котловку, гдѣ переѣхали Каму и прибыли въ село Сарсасъ. Въ это село Емелька одинъ отправился, говоря, что здѣсь живетъ ему хорошо знакомый человѣкъ; и, дѣйствительно, черезъ нѣсколько времени пріѣхалъ Пугачевъ обратно къ Дружинину съ какимъ-то незнакомцемъ на телѣгѣ. Отѣхавъ отъ Сарсасъ верстъ пятнадцать, остановились они ночевать. Когда Пугачевъ замѣтилъ, что спутники его заснули, то воспользовался такимъ удобнымъ случаемъ и ушелъ сперва самъ, а спустя нѣсколько времени исчезъ и его товарищъ, пріѣхавшій къ Дружинину изъ Сарсасъ. Дружининъ съ семействомъ и Алексѣевъ поѣхали на Иргизъ; миновавъ разныя чувашскія деревни, а также Яицкую степь, добрались до какой-то малорусской черкасской слободы, гдѣ Алексѣевъ отыскалъ писаря Михаила Иванова Тонкошкура и признался, что бѣжалъ изъ казанской тюрьмы вмѣстѣ съ Дружининимъ.

— Такъ оставайся у насъ,—сказалъ ему Тонкошкуръ,—мы тебя укроемъ, потому что ты нашъ братъ; а вотъ онъ—русскій, его держать нельзя.

Алексѣевъ воспользовался такимъ предложеніемъ и здѣсь остался, а Дружининъ слѣдовалъ дальше мимо Красносамарской крѣпости къ Иргизу, а потомъ по сызраньской дорогѣ къ рѣкѣ Камелику; сюда онъ прибылъ только передъ праздникомъ Покрова Богородицы. Очень скоро потомъ встрѣтилъ Дружининъ какого-то рыбака, которому чисто-сердечно признался въ своемъ побѣгѣ изъ казанской тюрьмы; тотъ предложилъ ему остаться жить вмѣстѣ съ нимъ въ землянкѣ на берегу Камелика и заниматься рыболовствомъ; тутъ Дружининъ прожилъ съ осени 1773 г. до весны 1774 г. Мѣстность эта была весьма близко отъ Яика, всего на разстояніи ста верстъ, а потому сюда скоро доходили всѣ слухи о томъ, что тамъ творится; такъ, зимою 1774 г. Дружининъ узналъ, что Емелька назвался государемъ, сталъ братъ Яицкія крѣпости и чинить всякія злодѣйства. Весною, послѣ праздника Пасхи, на Фоминой, Дружининъ разстался съ рыбакомъ, потому что его женѣ наскучило здѣсь жить, да и рыбаекъ задумалъ перебраться въ другое мѣсто. Переправившись на нагорную сторону, всѣ они шли пѣшкомъ къ Свѣгѣ; вначалѣ покупали пищу на собственные средства, а потомъ стали просить по деревнямъ милостыню. Не доходя до Алатава пятнадцати верстъ, онъ остановился въ лѣсу, вырылъ себѣ землянку и тутъ прожилъ вмѣстѣ съ семьей до послѣдней недѣли Рождественскаго мясоѣда; питались они тѣмъ, что отбивали скотъ, принадлежавшій жителямъ Алата, а по ночамъ самъ Дружининъ нѣсколько разъ ходилъ въ пригородъ къ свояченицѣ Аннѣ Степановой, которая ему давала хлѣбъ. Но на послѣдней не-

дѣлѣ Рождественскаго поста, когда Дружининъ съ сыномъ Филимономъ хотѣлъ пробраться въ Алатырь за своими обычными получками, то тутъ ихъ жители поймали и привели въ земскую избу къ старостѣ Петру Иванову. Здѣсь ему сдѣлали допросъ: гдѣ находится жена и дѣти? а когда имъ была указана мѣстность землянки, то всѣхъ оттуда взяли и отослали къ Казанскому губернатору, который самъ ихъ допрашивалъ, затѣмъ отправилъ въ Казанскую секретную комиссію, гдѣ опять сдѣлали имъ допросъ. Но этимъ дѣло не кончилось, послали ихъ потомъ въ Московскую тайную экспедицію.

Въ допросѣ Дружининъ показалъ, что Емелька не открывалъ ему никакихъ злыхъ намѣреній и что самъ онъ, Дружининъ, совсѣмъ не участвовалъ въ злодѣйской толпѣ, равно какъ и никогда никакихъ насилій не дѣлалъ, за исключеніемъ кражи скота у алатовскихъ жителей, но къ этому его принудилъ голодъ, который испытывала его семья.

Въ резолюціи по этому дѣлу, отъ 9-го марта 1775 г., князя Волконскаго и князя Вяземскаго, утвержденной императрицей, значится слѣдующее:

— Такъ какъ извѣстнымъ оказалось, что Дружининъ не былъ соучастникомъ злодѣя въ его замыслахъ, а только бѣжалъ вмѣстѣ съ нимъ, то за послѣднее и достойнѣе наказаніе; „но и сей побѣгъ больше къ винѣ приписать по правосудію должно слабому за нимъ, яко колодникомъ, отъ караула смотрѣнію; сего ради и что за сей учиненный имъ побѣгъ довольно, какъ изъ дѣла видно, самимъ собою наказанъ, яко то, что странствовалъ въ пустыхъ, самыхъ необитаемыхъ мѣстахъ и будучи отлученнымъ, какъ отъ своихъ согражданъ, такъ и лишенъ былъ своего дома безъ малаго три года, что самое замѣнить ему въ наказаніе; изъ тайной же экспедиціи для взыскапія на немъ казенныхъ солянаго сбора денегъ двухсотъ двадцати рублей отослать его въ Казанскую губернскую канцелярію съ такимъ повелѣніемъ, что если имъ оныя деньги будутъ заплачены въ казну, то изъ-подъ караула его освободить и отпустить въ его домъ съ паспортомъ; касательно же сына, который купилъ лошадь и былъ возчикомъ, почему доставилъ и злодѣю вмѣстѣ съ своимъ отцомъ способъ къ побѣгу, то какъ сіе отъ него произошло единственно отъ должнаго сыновняго повиновенія, купно и отъ страха, то въ разсужденіи сего, а паче изъ единого Ея И. В-ва милосердія, отъ осужденія его избавить“.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОСОБНИКИ и СТОРОННИКИ ПУГАЧЕВА.

Очерки и рассказы.

VIII¹⁾.

Мамаевъ²⁾.

Иванъ Васильевъ сынъ Мамаевъ былъ солдатъ сначала Великолукскаго пѣхотнаго полка, а потомъ 3-го Московскаго баталіона.

Мамаевъ бѣжалъ изъ Смоленска въ Саратовъ къ коменданту Бошняку, которымъ былъ посаженъ въ острогъ; послѣ того какъ по резолюціи Астраханской комендантской канцеляріи Мамаева наказали батогами, его, по четырехъ мѣсячномъ содержаніи въ Саратовскомъ острогѣ, отправили, вмѣстѣ съ другими бѣглыми солдатами, черезъ Симбирскъ и Казань, въ Москву. Когда онъ содержался въ Казанскомъ острогѣ, то въ тоже самое время былъ тамъ, только въ другой казармѣ, донской казакъ Емельянъ Пугачевъ; острожные колодники, которыхъ было около ста человекъ, называли Пугачева изъ почтенія „Емельяномъ Ивановичемъ“, потому что онъ,

¹⁾ См. «Русскую Старину» изд. 1876 г., томъ XVI, стр. 479—508; 607—626.

²⁾ Мамаевъ давалъ три показанія объ участіи въ дѣлѣ Пугачева: первое Державину, второе въ Казанской секретной комисіи и третье въ Оренбургской секретной комисіи. Первое, очень пространное, было имъ дано, какъ будетъ указано, подъ страхомъ подвергнуться еще болѣе усиленнымъ истязаніямъ, чѣмъ тѣ, которыя дѣлалъ ему Державинъ; второе чрезвычайно кратко и потому меньше имѣеть значенія для характеристики отношеній Мамаева къ Пугачеву; третье же, заключающее въ себѣ не только рассказъ о жизни Мамаева, но и признаніе его въ чемъ именно онъ прежде Державину дгалъ, имѣеть несомнѣнный интересъ, такъ какъ имъ вполне опровергается то «высокое» мнѣніе, какое Державинъ имѣлъ о Мамаевѣ, называя его «тайнымъ кабинетскимъ секретаремъ Пугачева».

выдавая себя за раскольника, показывалъ передъ ними набожность и молился, какъ ходилъ слухъ по острогу, очень часто по ночамъ. Мамаевъ пробылъ вмѣстѣ съ Пугачевымъ мѣсяцъ съ небольшимъ; въ продолженіи этого времени они часто играли на острожномъ дворѣ въ карты въ пять и въ семь листовъ, по полушкѣ листъ; однажды Пугачевъ проигралъ двумъ колодникамъ мѣдными пятаками рубля полтора въ такую игру: дѣлается черта и изъ-за нея бросаются играющими пятаки; кто бросалъ свой пятакъ на разстояніе не болѣе пядени отъ пятака его предшественника, тотъ и выигрывалъ этотъ послѣдній. Передъ побѣгомъ Пугачева, недѣли за полторы, кто-то укралъ у него восемь рублей серебряными деньгами; Пугачевъ совсѣмъ не старался ихъ отыскивать, говоря:

— „Ну, Богъ де съ нимъ, кто взялъ эти деньги!“

Колодники удивлялись его набожности и заключали по этому его равнодушію къ потерѣ, что у него, конечно, и осталось еще много денегъ. Мамаеву не приходилось видѣть, чтобы кто нибудь изъ благодѣтелей подавалъ особо Пугачеву, но подавали вообще на всѣхъ колодниковъ, иногда по денежкѣ, а иногда и по копѣйкѣ; больше всего эти подаванія совершали раскольники, между которыми ему часто приходилось слышать имя Щелокова, жителя города Казани; впрочемъ, Щелоковъ самъ никогда въ острогъ не приходилъ, а только присылалъ черезъ другихъ. Передъ тѣмъ, какъ Пугачевъ бѣжалъ, его отпускали за карауломъ изъ острога съ колодникомъ Дружининымъ въ городъ; но куда и кто отпускалъ—Мамаеву неизвѣстно; черезъ нѣсколько времени они возвратились назадъ, а потомъ, въ третьемъ часу по полудни, опять были отпущены, съ двумя солдатами въ баню; въ этотъ разъ они въ острогъ уже не возвращались, слышно же было, что они съ однимъ солдатомъ бѣжали, а другаго напоили до пьяна и оставили гдѣ-то спящимъ. Послѣ этого Мамаевъ никакого извѣстія о Пугачевѣ не имѣлъ до тѣхъ поръ, пока не совершилъ побѣга изъ Москвы, въ августѣ мѣсяцѣ 1773 года, съ своимъ товарищемъ бѣглымъ же солдатомъ Петромъ Деревягинимъ. Они явились около Покрова въ Яицкій городокъ, гдѣ и услышали, что Пугачевъ принялъ имя покойнаго императора Петра III-го и подходилъ съ своею шайкою къ городку, но тутъ его отбили пушками, вслѣдствіе чего онъ направился вверхъ по Яику къ Илеку; слышно было потомъ, что онъ побралъ многія крѣпости и дѣлалъ приступъ къ Оренбургу. Всѣ казаки войсковой стороны почитали его за настоящаго государя, но съ послушной стороны называли его самозванцемъ донскимъ казакомъ Емельяномъ Пугачевымъ; такого же мнѣнія о немъ былъ и Мамаевъ, такъ какъ ему сообщили примѣты самозванца,

совершенно подходившія къ Пугачеву, съ которымъ онъ сидѣлъ въ Казанскомъ острогѣ.

Живя въ Яицкомъ городкѣ, Мамаевъ сидѣлъ въ лавкѣ прямишника Ѳедора Павлова; разъ какъ-то онъ пропилъ изъ выручки полтора рубля и ушелъ на хуторъ къ яицкому казаку Ивану Макарову, гдѣ тогда жилъ его товарищъ по бѣгству Деревягинъ; тутъ Мамаевъ написалъ одному бѣглому крестьянину фальшивый паспортъ, взявъ за труды рубль, который тоже былъ имъ пропить. Потомъ, боясь попасть въ тюрьму за поддѣлку этого документа, онъ хотѣлъ пробраться на Узени въ такое мѣсто, гдѣ, какъ ходили слухи, скрывается много бѣглецовъ. Но ему не пришлось туда добраться; на Красномъ Уметѣ онъ былъ пойманъ казаками и привезенъ, 20-го ноября, обратно въ Яицкій городокъ къ коменданту Симонову; предъ нимъ Мамаевъ назвался Глуховскаго баталіона погонщикомъ Петромъ Ивановымъ сыномъ Богомолowymъ; однако комендантъ посадилъ его подъ караулъ и содержалъ тамъ по 23-е декабря; въ это число Мамаевъ былъ освобожденъ, такъ какъ слышно было, что шайка самозванца приближалась къ городку. Спустя немного времени, Симоновъ вошелъ съ вѣрными ему людьми въ ретраншантъ и для пораженія самозванцевой толпы былъ высланъ имъ отрядъ войска, но онъ былъ совершенно уничтоженъ Пугачевымъ. Много казаковъ изъ отряда Симонова перешло на сторону самозванца, который обложилъ ретраншантъ и дѣлалъ къ нему частые приступы. Скоро обнаружился недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ отрядѣ Симонова, потому что не только хлѣбъ, но и всѣхъ лошадей переѣли, такъ что дошло дѣло до лошадиныхъ кожъ, которыхъ стали давать по фунту на день. Мамаевъ не могъ вытерпѣть такого крайняго голода и принужденъ былъ бѣжать куда нибудь на хуторъ; но увидя на рѣкѣ Старицѣ рыбаковъ и зная, что они принадлежатъ къ бунтующей сторонѣ, онъ пришелъ къ нимъ и сказалъ, что бѣжалъ изъ ретраншантента съ намѣреніемъ служить государю Петру Ѳедоровичу. Рыбаки взяли его и привели къ злодѣйскому своему атаману Никитѣ Каргину.

— Что ты за человѣкъ и какъ твое имя? спросилъ Каргинъ.

„Я погонщикъ, — отвѣчалъ Мамаевъ, — а зовутъ меня Ивановомъ Васильевымъ сыномъ Мамонтовымъ, у коменданта-же я назывался Петромъ Богомолowymъ“.

— Для чего-же это ты имя перемѣнялъ?

„Для того, что сперва еще намѣренъ былъ къ вамъ бѣжать“.

Каргинъ не повѣрилъ этому и приказалъ обыскать Мамаева, нѣтъ-ли при немъ какихъ писемъ. Когда же ничего не нашли, кромѣ раскольничьяго ватихизиса, то Каргинъ сталъ допрашивать: сколько въ ре-

траншаментъ пороху, артиллеріи и что ѣдятъ, нѣтъ ли тамъ голода? Мамаевъ передалъ ему все, что самъ видѣлъ, да къ тому еще совралъ, что будто-бы многіе хотять сдаться, но другіе тому препятствуютъ; все это было имъ сдѣлано въ виду того, чтобы его не повѣсили и не сочли бы за шпіона. Потомъ онъ изъявлялъ свое усердіе служить самозванцу, называя его императорскимъ титуломъ и выражалъ свое желаніе исповѣдывать ихъ старую вѣру.

— Хорошо, другъ мой,—сказалъ Каргинъ,—послужи государю царю вѣрою и правдою, онъ тебя безъ награжденія не оставитъ.

Потомъ поднесли Мамаеву чарку вина и вручили ему суконный зеленый старый кафтанъ съ золотымъ шнуркомъ, говоря:

— Этимъ кафтаномъ жалуетъ тебя батюшка царицы Устиньи Петровны.

Потомъ казаки заставили Мамаева подойти къ ретраншаменту и показаться тамъ бывшимъ казакамъ, приговаривая слѣдующее:

— Вотъ смотрите, братцы, я не только не повѣшенъ, но и пожалованъ еще!

Все это требованіе Каргина съ казаками было въ точности исполнено Мамаевымъ; такимъ путемъ они поступили, думая, что изъ ретраншамента потому не выходятъ, что боятся висѣлицы. Каргинъ потомъ всетаки не вполне довѣрялъ Мамаеву и потому, боясь, чтобы онъ не ушелъ, оставилъ пока подъ присмотромъ. Черезъ нѣсколько времени явилось еще два казака къ Каргину, которые совершенно подтвердили показаніе Мамаева относительно положенія ретраншамента. Удоставившись такимъ образомъ, что Мамаевъ ничего не солгалъ, Каргинъ приказалъ его освободить и, призвавъ въ войсковую канцелярію, заставилъ его читать манифесты самозванца передъ сидящими тутъ другими старшинами.

— Не бываль-ли ты при письменныхъ дѣлахъ? спрашивали его старшины, вида, что онъ читалъ хорошо.

„Да, я былъ подьячимъ“, отвѣчалъ Мамаевъ.

— Ну такъ смотри же ты, поправляй за нашими писарями (Петръ Живетинъ и Иванъ Карчагинъ) наши увѣщанія къ коменданту и придумывай, какъ-бы лучше уговорить его въ подданство нашему батюшкѣ государю.

Мамаевъ поправилъ два такихъ увѣщательныхъ письма, изъ которыхъ одно сочинено было Живетиннымъ, а другое какимъ-то приходившимъ съ Иргиза раскольническимъ старцемъ Гуріемъ; кромѣ поправокъ разныхъ выраженій, Мамаевъ дѣлалъ отъ себя вставки относительно того, что Пугачевъ истинный государь. Въ письмѣ Гурія находились поносительныя слова касательно имени ея императорскаго

величества, а потому Мамаевъ, зачеркнувъ ихъ, выговаривалъ писарямъ и старцу, что это не только дурно, но и противно Богу¹⁾).

Пробывъ въ толпѣ Каргина шестнадцать дней, Мамаевъ бѣжалъ изъ Яицкаго городка на Иргизъ, потому что въ это время разнесся слухъ, что подошелъ очень близко къ городку генераль-маіоръ Мансуровъ; всѣ бунтовавшіе казаки обробѣли и только и думали о своемъ спасеніи. Добравшись до Мечетной слободы, Мамаевъ объявилъ одному крестьянину, что онъ былъ въ толпѣ Пугачева и спрашивалъ этого же крестьянина: „можно-ли теперь пробраться черезъ Волгу въ Сызрань?“

— Нѣтъ, нельзя! Тебя тамъ непременно поймаютъ; явись лучше самъ; такихъ теперь безъ всякаго наказанія освобождаютъ и отправляютъ по домамъ съ билетами.

„Да къ кому же мнѣ здѣсь явиться? спрашивалъ Мамаевъ“.

— У насъ тутъ есть повѣренный сыщикъ поручика Державина Серебряковъ, — отвѣчалъ крестьянинъ; такъ ты къ нему и явись.

Мамаевъ отправился къ Серебрякову и назвалъ дворовымъ чело-вѣкомъ помѣщика маіора Ржевскаго, Нижнеломовскаго уѣзда, Николаемъ Смирновымъ; далѣе показалъ, что будто бы жилъ въ Илекѣ у казака Никиты Рыбинскаго въ работникахъ, но былъ оттуда высланъ въ то время какъ приближался генераль Мансуровъ. Серебряковъ немедленно отправилъ Мамаева въ Малышевку къ поручику (Гаврилъ Романовичу) Державину, который сдѣлалъ ему слѣдующій допросъ:

— Вѣдь твой хозяинъ былъ у Пугачева? спросилъ Державинъ.

„Былъ“.

— Ну, такъ какъ же, и ты поэтому былъ съ нимъ?

„Нѣтъ, не былъ“.

Державинъ, не довѣряя его показанію, сталъ бить его по головѣ палкою, чѣмъ достигъ того, что Мамаевъ сталъ на себя лгать, какъ будто бы былъ подъ Татищевой крѣпостью и послѣ разбитія злодѣйской толпы прибѣжалъ сюда; пока онъ былъ посаженъ только подъ караулъ. На другой день Державинъ опять привалъ его къ себѣ и сталъ продолжать допросъ.

— Скажи-тка ты мнѣ правду, не былъ ли ты дѣйствительно употребленъ Пугачевымъ въ какую-нибудь писарскую должность? Нельзя чтобъ ты былъ тамо простымъ казакомъ! Видишь ты какой писачка!

„Нѣтъ, ни въ какой должности я у него не бывалъ,“ — отвѣчалъ Мамаевъ.

¹⁾ На одномъ изъ допросовъ Мамаеву представлено было письмо, взятое изъ канцеляріи Пугачева на Яикѣ; писано оно было, по признанію Мамаева, старцемъ Гуріемъ, а между строкъ были его собственныя поправки.

Тогда Державинъ сталъ бить его по щекамъ. Поэтому Мамаевъ, желая избѣжать на будущее время побоевъ, попросилъ себѣ бумаги и на ней написалъ „всю правду“, что онъ бѣглый солдатъ, былъ подъячимъ, содержался въ Казани, и, будучи отосланъ въ Москву, бѣжалъ оттуда на Яикъ, гдѣ былъ у Симонова въ ретраншментѣ, наконецъ, бѣжалъ оттуда и находился у атамана Каргина, для котораго писалъ къ Симонову увѣщательныя письма.

— Э! братъ, какъ ты напуталъ; это все, я вижу, бредни. Нѣтъ! другъ мой, теперь ты долженъ сказать мнѣ правду! Конечно, ты былъ у Пугачева секретаремъ; да къ тому, мнѣ кажется, ты и изъ Казани съ нимъ бѣжалъ? Скажи-тка ты мнѣ, какимъ образомъ вы тамо съ Пугачевымъ соглашались и кто вамъ оттуда помогъ уйти? выпытывалъ Державинъ.

„Ничего этого знать не знаю“, отвѣчалъ Мамаевъ.

Державинъ приказалъ его сѣчь батогами, а самъ при этомъ приговаривалъ:

— Скажи, каналья, правду, такъ тебѣ лучше будетъ! Избавишься отъ наказанія.

Не вынесши страшной боли, Мамаевъ завопилъ:

„Виноватъ Богу и всемилостивѣйшей государынѣ! Я бѣжалъ изъ Казани вмѣстѣ съ Пугачевымъ и былъ у него тайнымъ кабинетскимъ секретаремъ подъ именемъ Ивана Соколова“.

— Ну, вотъ, дуракъ! давно бы тебѣ правду сказать, такъ и щелука не увидѣлъ бы.

Державинъ сталъ записывать породу Мамаева, службу, побѣги его и, наконецъ, содержаніе въ Казани съ Пугачевымъ.

— Не прихаживали ли къ Пугачеву въ Казани какіе нибудь раскольники? спросилъ Державинъ.

„Прихаживали“.

— Какъ же ихъ зовутъ и съ какими они примѣтами?

На это Мамаевъ отвѣчалъ какъ на умъ тогда ему взбрело, пересказать же потомъ въ Оренбургской секретной комисіи сказаннаго имъ Державину онъ не могъ, помнить только, что говорилъ о троихъ, включая въ число ихъ и Щелокова, отъ котораго, онъ слышалъ, приносили милостыню.

— Не подхаживали ли эти раскольники подъ окошко къ Пугачеву и не совѣтовали ли ему чего нибудь? спросилъ Державинъ.

„Да, приходили и что-то тихо съ нимъ разговаривали“, лгалъ умышленно Мамаевъ.

— Когда же тебя Пугачевъ сталъ подговаривать къ побѣгу и что онъ намѣренъ послѣ того быть сдѣлать?

„Послѣ совѣтовъ съ раскольниками, Пугачевъ такъ сталъ мнѣ говорить: „уйдемъ-де на Яикъ, я тамъ назовусь государемъ Петромъ Федоровичемъ, а ты-де будешь моимъ секретаремъ“.

— Ну, а что же ты его спрашивалъ, какъ онъ можетъ назваться государемъ, не будучи подлинно таковымъ и кто же его приметъ?

„Какъ не спросить! Онъ на это мнѣ сказалъ: „не сомнѣвайся-моль! Намъ всѣ тамъ согласны и примутъ насъ съ честью“.

— Какимъ же образомъ вы изъ тюрьмы ушли, кто вамъ въ этомъ помогалъ, не раскольники ли, и кто васъ выпустилъ? спросилъ Державинъ.

„Раскольники намъ точно помогли, а выпустилъ караульный офицеръ“.

— Ну, скажи ты мнѣ теперь, что же, вы его подкупили, что ли? Сколько вы ему дали? Кто таковъ онъ и съ какими примѣтами?

„Мы его подкупили за четыре червонца, — отвѣчалъ Мамаевъ, назвавъ имя, какое ему взбрело на умъ, а какъ на примѣту указалъ на то, что офицеръ былъ хромоногий“, — такъ какъ въ это время ему пришло на память, что такого караульнаго офицера онъ видѣлъ въ Саратовѣ.

— Черезъ кого же онъ васъ выпустилъ и подъ какимъ видомъ? допрашивалъ Державинъ, вполне довѣряя измышленіямъ Мамаева.

„Черезъ сержанта Сосновскаго, въ баню, за карауломъ двухъ солдатъ“.

— Какъ же вы отъ солдатъ-то ушли?

„Да мы одного напоили пьянымъ, а другаго, Алексѣя, изъ малороссіянъ, высокаго ростомъ, подговорили вмѣстѣ бѣжать“.

Это Мамаевъ показывалъ на основаніи слуха, который въ Казани былъ распространенъ о способѣ побѣга Пугачева съ Дружининнымъ.

— Куда же вы ушли? Какъ отправились, пѣшкомъ или на лошадыя и гдѣ ихъ взяли?

„Раскольники подговорили, — лгалъ Мамаевъ, — извозчика за двадцать рублей“.

— Какъ же того извозчика зовутъ и съ какими онъ примѣтами?

„Зовутъ его Андреемъ“, — отвѣчалъ Мамаевъ, наговоривъ при этомъ такихъ примѣтъ, какія ему случайно приходили въ голову.

— Скажи-теа мнѣ, не былъ ли еще въ тюрьмѣ ктонибудь съ вами согласенъ?

„Былъ согласенъ съ нами попъ Марисевскій Симеонъ Ивановъ, онъ про все зналъ“.

Такой попъ дѣйствительно содержался въ Казанскомъ острогѣ; онъ былъ въ числѣ каторжныхъ и съ рваными ноздрями.

— Для чего же вы его съ собою не взяли?

„Да для того, что у него были поздри рваны“.

— Куда же вы поѣхали?

„На Яикъ“.

— Черезъ Иргизъ? Не заѣзжали ли по дорогѣ къ кому-либо? Вѣдь вы, я чаю, заходили въ раскольничій монастырь къ старцу Филарету, ѣхали вѣдь также и черезъ Малыковку, такъ къ кому же вы заходили здѣсь?

„Въ Малыковкѣ были у одного мужика, имени его не знаю, а мѣста дома его не припомню, такъ какъ дѣло было ночью,—отвѣчалъ Мамаевъ. (Онъ показывалъ неопредѣленно въ виду того, чтобы Державинъ не могъ справиться есть ли такой человекъ въ Малыковкѣ; въ случаѣ несуществованія такового, Мамаевъ подорвалъ бы довѣріе къ своему показанію). А потомъ,—продолжалъ онъ,—мы проѣхали къ Филарету въ монастырь“:

— Сколько же времени вы жили у Филарета? Объявляли-ль вы ему о своемъ намѣреніи и не прихаживалъ ли тутъ еще кто къ вамъ?

„Жили мы у игумена двое или трое сутокъ,—лгалъ Мамаевъ; Пугачевъ же открылъ Филарету свое намѣреніе и просилъ помолиться за него Богу, говоря, что когда будетъ время, такъ васъ-де не оставлю; приходили также къ намъ два монаха, именъ которыхъ я не припомню“.

— Куда же поѣхали изъ монастыря, черезъ Мечетное, что ли? Вѣдь, я чаю, тутъ заѣзжали къ кому нибудь?

„Да, черезъ Мечетное, но ни къ кому не заѣзжали“.

— Какъ же заѣзжали? Что ты тайшь? Вѣдь тутъ васъ и ловили!

„Да, да заѣзжали“, — поправился Мамаевъ, совсѣмъ сбиваясь придумывать подходящія отвѣты.

— Къ кому же? Къ какому либо раскольнику, что ли?

„Да, къ раскольнику Алексѣю“, — отвѣчалъ Мамаевъ, приведя также кое-какія примѣты.

— Что же у васъ тутъ было?

„Насъ ловили, но мы ушли въ Уметъ къ мужику Ереминой Курицѣ“.

Такое показаніе далъ Мамаевъ потому, что слышалъ такъ еще на Яикѣ и видѣлъ, что этотъ Уметъ былъ разоренъ.

— Какъ же вы отъ Ереминой Курицы поѣхали на Яикъ и гдѣ тамъ остановились?

„Онъ доставилъ насъ на своихъ лошадяхъ въ зимовье Обоюмово, въ тридцати верстахъ отъ городка“.

Это зимовье было хорошо известно Мамаеву, такъ какъ онъ тамъ одно время жилъ.

— Что же вы намѣрены были тутъ дѣлать и какъ положили прѣхать въ Яицкій городокъ?

„Къ намъ уже прѣзжали яицкіе казаки толпами и совѣтовали какъ бы открыть Пугачева императоромъ Петромъ Третьимъ“.

— Да какъ же они узнали, что вы прѣехали и тутъ находитесь?

„Они давно уже его ожидали, — выдумывалъ Мамаевъ, — и съ радости, что увидѣли, дѣлали попойки“.

— Какія же вы приготовленія тутъ дѣлали? сколько тутъ жили? въ какомъ числѣ собралась ваша толпа? сколько у васъ было пушекъ и откуда вы ихъ взяли?

„Шили мы здѣсь знамена и хоругви, — отвѣчалъ Мамаевъ, одно по наслышкѣ, а другое выдумывая; исправляли также ружья и копья, а казаки привезли съ собою четыре пушки“.

— Гдѣ же они ихъ взяли?

„У нихъ были уже заготовлены“, — нашелся Мамаевъ, не зная что бы болѣе правдоподобное придумать.

— Долго ли вы тутъ жили и куда потомъ направились?

„Жили мы тутъ недѣли полторы и, собравъ челоуѣкъ до трехъ сотъ, подступили къ городу; оттуда на встрѣчу намъ вышло большое число казаковъ и всѣ они признали Пугачева за государя, а комендантъ Симоновъ съ немногими казаками убрался въ ретраншментъ и отъ городка насъ отбили. Потомъ мы пошли въ Илецкую крѣпость“.

— Какъ же васъ тутъ приняли? Указъ что ли имъ объявили и кто его писалъ?

„Да, тутъ въ первый разъ былъ объявленъ указъ для преклоненія; писали же его я и мой товарищъ Волковъ, отъ имени Петра Третьяго“, — такъ продолжалъ гдѣть Мамаевъ, даже на себя.

— Что же вы тутъ дѣлали и куда изъ Илеа пошли?

На это Мамаевъ отвѣчалъ все, что только ему приходилось слышать отъ другихъ въ то время, когда онъ находился въ ретраншментѣ.

— Но вѣдь для вашей огромной толпы нужно же было брать откуда-нибудь жалованье, такъ скажи-тка: съ какихъ заводовъ привозили къ вамъ деньги и какою монетою — золотою или серебряною?

„Съ одного какого-то завода привезено золота червонными, десяти и тридцати рублевыми имперіалами, скрынка и боченокъ; а съ другихъ заводовъ привозили серебряною и мѣдною монетою“.

— Да съ котораго же времени ты началъ отправлять должность

кабинетскаго секретаря, а также, скажи-тка, какіе ты писывалъ манифесты и письма?

„Съ самаго Обоюмаго зимовья я отправлялъ эту должность и писалъ всѣ манифесты, называясь при этомъ не Мамаевымъ, а Иваномъ Соколовымъ“.

— Значить, ты писалъ и къ башкирцамъ и киргизамъ?

„Всѣ я писалъ“.

— Скажи же теперь, Мамаевъ, всю правду; вѣдь ты былъ тайнымъ секретаремъ Пугачева, то долженъ знать о всѣхъ тайныхъ его предпріятіяхъ: не имѣлъ ли онъ какого злаго намѣренія противъ высочайшей ея императорскаго величества особы и ихъ высочествъ?

„Да, имѣлъ“, — отвѣчалъ Мамаевъ, желая скорѣе покончить свое показаніе и отдѣлаться отъ истязаній.

— Какой же?

Мамаевъ не могъ сразу отвѣчать и потому немного призадумался.

— Что же ты не говоришь? Сказывай правду, не имѣли-ль вы какого злаго намѣренія къ истребленію ея величества и ихъ высочествъ? Не посылали-ль кого съ отравою въ Петербургъ? Бога ради, не утай, скажи правду, ежели знаешь, а напрасно не сказывай!

„Посылали“, — робко отвѣчалъ Мамаевъ, находясь подъ вліяніемъ сильнаго страха.

— Кому же вы поручили сіе зло исполнить? Кто они такіе и когда посылали?

„Въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года Пугачевъ послалъ двухъ яицкихъ казаковъ“.

— Какъ ихъ зовуть и съ какими примѣтами?

На это Мамаевъ отвѣчалъ такъ, какъ ему въ голову пришло; потомъ онъ помнилъ, что назвалъ при этомъ случаѣ одного казака Степаномъ Баженовымъ, зная раньше въ Волоколамскѣ бургомистра Федора Баженова, подъ руку котораго онъ дважды подписывался на фальшивыхъ паспортахъ.

— Что же имъ приказано было дѣлать по приѣздѣ въ Петербургъ?

„Пугачевъ приказывалъ имъ какъ можно стараться, черезъ какіе бы то ни было способы, чрезъ ядъ или другое чтó, самимъ или подкупивъ кого, умертвить всемилостивѣйшую государыню и государя цесаревича съ супругою, чтобы такимъ способомъ можно скорѣе было ему завладѣть государствомъ и сдѣлаться самодержавнымъ“.

— Что же, тѣ казаки долго-ли были въ Петербургѣ и возвратились ли назадъ?

„Нѣтъ, не возвратились“.

— Чтó же вы думали, почему они не возвращаются, и не посылали-ль кого въ другой разъ съ такимъ же злымъ намѣреніемъ?

„Не дождавшись тѣхъ посланныхъ, — отвѣчалъ Мамаевъ, — и не слыхавъ ничего объ нихъ, послали вторично въ декабрѣ мѣсяцѣ двухъ же лицехъ казаковъ, но и эти еще не возвратились“.

— Такъ поэтому, не вы ли уморили и генерала Бибикова, такъ какъ вдругъ въ Богульмѣ занемогъ, не посылали-ль кого на истребленіе его?

„Посылали“.

— Куда — въ Казань или въ Богульму?

„Когда онъ былъ еще въ Казани; самъ Пугачевъ приготовилъ ядъ, чтобы скорѣе извести Бибикова“.

— Кого же вы послали?

„Казака“, — отвѣчалъ Мамаевъ, назвавъ какую-то фамилію и объяснивъ его примѣты такъ, какъ на языкъ попало.

— Чтó же о Бибиковѣ вы слышали?

„Слышали отъ калмыковъ и другихъ казаковъ, что онъ въ бѣдность свою въ Богульмѣ вдругъ занемогъ; тогда Пугачевъ говорилъ мнѣ: „ну, Иванъ, знать то, что нашъ злодѣй познаетъ мать сыру землю“.

— Скажи, пожалуй, посланные въ Петербургъ казаки какое обѣщаніе дали Пугачеву въ исполненіи своихъ злодѣйскихъ намѣреній, какую надѣялись они тамъ получить себѣ помощь и отъ кого?

„Тѣ казаки, — лгалъ Мамаевъ, — стоя на колѣняхъ предъ Пугачевымъ, дали клятву, что они возложенное на нихъ дѣло исполнять“.

— Не надѣялись-ли также на раскольниковъ?

„Да, я слышалъ, что они хотѣли въ Москвѣ захватить къ раскольникамъ, а къ кому именно — не знаю, и съ ними о томъ посовѣтоваться, а потомъ съ помощью ихъ совершить это предпріятіе“.

— А если бы ихъ поймали, то чтó на такой случай Пугачевъ имъ приказывалъ.

„Онъ приказывалъ никакъ не открывать объ ихъ умыслѣ, а сказать что-нибудь другое“.

— Не писывалъ-ли кто изъ московскихъ раскольниковъ къ Пугачеву писемъ?

„Да, получили одинъ разъ, — лгалъ Мамаевъ, — письмо изъ села Покровскаго“.

— Отъ кого же, и чтó въ немъ писано?

„Отъ Михаила Игнатьева“, — отвѣчалъ Мамаевъ, вспомнивъ имя и фамилію одного солдата 6-й роты С.-Петербургскаго пѣхотнаго полка; „въ этомъ письмѣ — продолжалъ онъ, — Игнатьевъ писалъ, чтобы какъ

возможно скорѣе стараться восходить на царство и возстановить старую вѣру, а новую искоренять.

— Поэтому раскольники желаютъ, чтобы у нихъ былъ царь раскольникъ и съ бородою?

„Такъ точно, они единодушно того добиваются“.

— Какимъ же образомъ Пугачевъ разбитъ въ Татищевой и какъ ты оттуда и куда бѣжалъ?

Мамаевъ разсказалъ объ этомъ такъ, какъ слышалъ на Яикѣ, а потомъ сообщилъ о своемъ побѣгѣ и приходѣ на Иргизъ. Мамаевъ заключилъ свое показаніе тѣмъ заявленіемъ, что онъ готовъ изобличать всѣхъ замѣшанныхъ людей на очныхъ ставкахъ; такъво было требованіе Державина. Когда же весь допросъ Державинъ написалъ, то приказалъ Мамаеву переписать и приложить свою руку.

На другой день по утру пришелъ къ Державину пріѣхавшій съ Яика купецъ, по имени Иванъ Григорьевъ, который тамъ сидѣлъ за пряниками, почему и былъ знакомъ Мамаеву; онъ прибылъ къ Державину, чтобы явиться съ билетомъ, при чемъ положительно сообщилъ на разспросы Державина, что знаетъ Мамаева.

— Знаешь-ли ты этого купца? обратился Державинъ къ Мамаеву.

„Знаю“.

— Ну, а ты вотъ его? спросилъ онъ купца.

„Какъ-же, это Иванъ Васильевъ, который сидѣлъ за пряниками и былъ въ ретраншаментѣ у Симонова“.

— Для чего-же ты на себя въ допросѣ-то напуталъ?

„Виновать, — отвѣчала Мамаевъ; все солгалъ напрасно“.

Потомъ Державинъ повелъ его въ свою горницу и велѣлъ въ концѣ допроса приписать послѣднія слова.

— Смотри же, ты напиши и причину, для чего это ты навралъ.

Мамаевъ написалъ въ свое оправданіе, что былъ тогда въ крайнемъ отчаяніи, когда еще Державинъ записывалъ его слова, и помышлялъ отречься отъ Всевышняго Творца и отдаться дьяволу, подражая при этомъ пану Твардовскому, о которомъ онъ давно уже читалъ басню, и думая, по своему легкомыслію, что дьяволъ будетъ ему во всемъ помогать; а если бы этого не случилось, то желалъ скорѣе лишиться жизни, потому что она ему была въ то время въ тягость, а почему — онъ и самъ того не можетъ себѣ объяснить.

Державинъ, желая удостовѣриться, не было-ли и въ самомъ дѣлѣ такого рода происшествія, о которомъ разсказывалось въ показаніи, призвалъ какого-то раскольникъ старца и сказалъ Мамаеву:

— Ну вотъ, ты показывалъ, будто-бы все навралъ на себя напрасно, а вѣдь вотъ это (указывая на старца) отецъ Филаретъ;

онъ самъ говоритъ, что ты съ Пугачевымъ къ нему прѣзжалъ; такъ для чего-же ты меня обманываешь?

„Нѣтъ, я его не знаю“, отвѣчалъ Мамаевъ.

— Какъ! такъ вы не прѣзжали ко мнѣ? спросилъ старецъ, уставя на Мамаева глаза; побойся ты Бога! лучше, дуракъ, скажи правду, такъ тебѣ ничего не будетъ.

„Виновать передъ Богомъ! завопилъ Мамаевъ; такъ и было, мы съ Пугачевымъ прѣзжали къ нему“.

— Ну такъ врешь же, дуракъ! разсмѣявшись замѣтилъ Державинъ; теперь я вижу, что ты все тутъ перепуталъ; чуть было я не послалъ твоего вранья въ Петербургъ!

Потомъ Державинъ отправилъ его въ Казанскую секретную комисію, въ которой нѣсколько разъ увѣщевали его, выпрашивая не было-ли дѣйствительно такого злодѣйскаго предпріятія, какое въ допросѣ показано; а потомъ „слегка его сѣкли плетью и водили для страха въ застѣнокъ“. Но Мамаевъ одно только отвѣчалъ, что все взвелъ на себя напрасно отъ одного только страха и отчаянія.

IX.

Бугурусланскій депутатъ Давыдовъ ¹⁾.

Данила Давыдовъ былъ ясачнымъ крестьяниномъ Бугурусланской слободы Ставропольскаго уѣзда Оренбургской губерніи и состоялъ депутатомъ отъ всего Богуминскаго вѣдомства въ комисіи для составленія Уложенія.

До появленія еще самозванца онъ зналъ о кончинѣ императора Петра III, а когда пронеслась молва около Бугуруслана, что императоръ живъ и явился на Яикѣ, то въ это время дошли до него и указы императрицы о томъ, что появившійся—никто иной, какъ бѣглый съ Дону казакъ Емельянъ Пугачевъ. Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1773 года въ Бугурусланскую слободу прѣхало 100 человекъ калмыковъ съ начальникомъ своимъ Өомою Алексѣевымъ; разграбили всѣ обывательскіе дома, а потомъ собрали весь народъ на улицу и спрашивали, кому онъ служить?

— Прежде служили государынѣ, — отвѣчали старики и Давыдовъ, — а нынѣ желаемъ служить государю Петру Өедоровичу.

— Ну, когда вы желаете ему послужить, — прибавилъ калмыцкій

¹⁾ На основаніи неизданныхъ (какъ и предъидущія), показанія Давыдова, мнѣнія секретной комисіи и повелѣнія императрицы генераль-маіору Павлу Потемкину.

старшина, — то выберите отъ себя нѣсколько человѣкъ, пошлите къ самому государю для поклона и объявите самолично вѣрноподданническое свое усердіе.

Обыватели этой слободы тотчасъ-же выбрали изъ среды себя двухъ лучшихъ человѣкъ—Давыдова и Ивана Захлыстова. Эти два представителя отправились вмѣстѣ съ калмыками къ Оренбургу; изъ Бугурусланской слободы былъ взятъ калмыками сержантъ Зыковъ, командиръ слободы; его они закололи не доѣзжая до Кирюшкиной деревни. Когда они всѣ прибыли въ деревню, то ея жители прислали Давыдову и Захлыстову хлѣбъ и пироги для поднесенія императору. По приѣздѣ въ Бердинскую слободу, Давыдовъ съ Захлыстовымъ были представлены Пугачеву, но хлѣба и пирога не представили, такъ какъ лошади все дорогою помали.

— Что вы за люди? спросилъ Пугачевъ.

— Крестьяне, ваше величество, приѣхали отъ народа Бугурусланской слободы вамъ поклониться.

— Ну, хорошо, братцы. Мнѣ сказывали, — продолжалъ Пугачевъ, обращаясь къ Давыдову, — что ты былъ депутатомъ и хочешь просить, чтобы вашу слободу не разоряли; такъ вотъ я тебѣ велю дать указъ, чтобы никто вамъ никакой обиды не чинилъ, а ты бы самъ розыскалъ у кого изъ вашей слободы что и кѣмъ пограблено.

Давыдовъ пробылъ въ Бердѣ четыре дня и видѣлъ тамъ большія силы Пугачева, а также нѣсколько пушекъ и очень много пороху; главные при немъ были яицкіе казаки, а иностранныхъ никого не было. Такъ какъ въ это время распространился слухъ, что злодѣйскій предводитель, называющійся графомъ Чернышевымъ, во многихъ мѣстахъ всѣхъ разбиваетъ, а кто не повинуется ему—казнить смертью, то Давыдовъ съ Захлыстовымъ стали разсуждать, ужъ не подлинный-ли это государь Петръ Оедоровичъ? Зная же изъ манифеста, что онъ бѣглый казакъ, они не рѣшались признать его императоромъ, хотя называли таковымъ, такъ какъ думали, что ему удастся съ громадными силами завладѣть Московскимъ царствомъ.

Затѣмъ Давыдовъ былъ призванъ въ военную злодѣйскую коллегію къ секретарю ея, Горшкову, который вручилъ ему указъ Пугачева, гдѣ было прописано, что Давыдову поручается изслѣдовать о пограбленномъ и донести въ коллегію что окажется; а также поручалось ему увѣщевать народъ въ вѣрности государю, набирать къ нему въ службу и защищать всѣми силами какъ Бугурусланскую слободу, такъ и ближайшія къ ней деревни отъ вѣрныхъ ея величеству войскъ. Изъ Берды дано было Давыдову тридцать человѣкъ казаковъ.

Возвратившись домой, Давыдовъ созвалъ жителей слободы и объ-

явилъ имъ указъ; а послѣ того собралъ пятьсотъ человѣкъ какъ изъ годныхъ людей въ Бугурусланѣ, такъ и изъ окрестныхъ деревень; во многихъ мѣстахъ разставилъ пикеты; потомъ истребовалъ отъ всѣхъ обывателей вѣдомости что у кого пограблено. Когда всѣ эти свѣдѣнія были готовы, то Давыдовъ приказалъ своему писарю, экономическому крестьянину Якову Калугину, написать рапортъ въ военную коллегію, въ которомъ Пугачевъ именовался императорскимъ титуломъ. Удовлетворенія же по всѣмъ жалобамъ никакого не восплѣдовало. Не смотря на это, Давыдовъ очень часто рапортовалъ въ коллегію обо всемъ, что только въ его округѣ происходило. Спустя мѣсяць, къ нему былъ присланъ отъ атамана Арапова попь изъ чувашской деревни Стюхиной, съ повелѣніемъ приводить народъ къ присягѣ, при чемъ приложены были и присяжные листы.

На основаніи этого повелѣнія, мѣстный попь Максимъ Петровъ привелъ къ присягѣ всѣхъ обывателей Бугуруслана и самого Давыдова, а попь стюхинскій приказалъ государыню изъ эктеніи исключить и нигдѣ имени ея величества не упоминать, подъ страхомъ смертной казни, а упоминать Петра Федоровича и супругу его Наталью Алексѣевну.

Въ то время произошла битва между татаринимъ Размаметевымъ и капитаномъ Шишковымъ. Размаметевъ просилъ помощи у Давыдова; но тотъ пришелъ къ нему очень поздно, почему татаринъ жаловался на него Пугачеву. Приказано было отобрать у Давыдова команду, а самому ему явиться въ Берду, куда тотчасъ онъ и отправился; Пугачева тамъ не засталъ, а секретари его прочли Давыдову обвиненіе Размаметева. Давыдову однако удалось оправдаться тѣмъ, что во время самой битвы онъ содержалъ очень важный постъ въ деревнѣ Маклаушахъ.

— Такъ поѣзжай же ты,—сказалъ Максимъ Григорьевъ, одинъ изъ начальниковъ войскъ Пугачева,—обратно на свой постъ, а указъ какъ тебѣ поступать придется потомъ.

Недоѣзжая 70-ти верстъ до Бугуруслана, Давыдовъ встрѣтилъ команду своихъ казаковъ, которые ему передали, что московская сила, подъ командою князя Голицына, вступила въ Бугурусланъ, а мѣстная команда вся разбѣжалась. Поэтому Давыдовъ, остановясь въ деревнѣ Ягуновой, собралъ мѣстныхъ обывателей человѣкъ до семидесяти, посредствомъ которыхъ по прежнему содержалъ въ важныхъ мѣстахъ пикеты, а главная квартира его находилась въ деревнѣ Суровцовой; татарскіе старшины Моисей Мустафинъ съ командою находился въ татарскомъ Кандызѣ, Сейтангуль Имайкайкай—въ Шарыповой деревнѣ. Всѣ они находились въ постоянномъ сношеніи другъ съ другомъ

и подавали одинъ другому помощь въ случаѣ нападенія командъ вѣрныхъ войскъ. Давыдовъ нигдѣ не сражался, а большею частью ловилъ на дорогахъ и пикетахъ вѣрныхъ ея величеству солдатъ, бралъ ихъ подъ караулъ и отсылалъ въ Берду, а крестьянъ оставлялъ у себя въ казакахъ; онъ также никого не лишилъ жизни, но случалось, что взятыхъ въ плѣнъ, по данной ему власти, наказывалъ „слегка палками и батожемъ“, вывѣдывая сколько и гдѣ находится команды, пушекъ и пороку. Татарскіе же старшины Размаметовъ и Мустафинъ, какъ слышно было Давыдову, безпощадно вѣшали своихъ противниковъ; пушекъ у Давыдова совсѣмъ не было, а ружей только пятнадцать, вся же команда его была вооружена копьями. Наконецъ, 6-го апрѣля, слыша отовсюду, что команды Пугачева разбиты и считая свое дѣло проиграннымъ, ночью скрылся и хотѣлъ было бѣжать, но былъ задержанъ стоящимъ на пикетѣ крестьяниномъ Синебрюховымъ. Схватившіе Давыдова ограбили все его имѣніе, депутатскій знакъ и сорокъ семь рублей денегъ. Когда же его привезли обратно въ селеніе Суровцово, то вся команда его укорала:

— Ты де собралъ насъ за тѣмъ, чтобы погубить, такъ пронадемъ же вмѣстѣ и не уйти тебѣ никуда теперь.

Какъ скоро узнали о намѣреніи Давыдова татарскіе старшины, тотчасъ явились въ Суровцово и сказали, что получили указъ отъ Петра Ѳедоровича о занятіи Бугуруслана по прежнему; Давыдовъ, повѣря этому, хотѣлъ было тотчасъ собрать свою команду для соединенія съ ними; но старшины, съ крикомъ „вяжи всѣхъ“, бросились прежде всего на Давыдова, связали его и семнадцать человекъ приближенныхъ; остальные же изъ его команды, между которыми былъ и Захлыстовъ, увидя, что дѣло худо, разбѣжались кто куда могъ. Такимъ образомъ Давыдовъ привезенъ былъ въ Казань.

Тайная комиссія, въ которой присутствовали гвардіи поручикъ Николай Горчаковъ, гвардіи поручикъ Василій Собакинъ и гвардіи капитанъ Семень Волоцкій, въ своемъ мнѣніи признала виновнымъ депутата Давыдова въ слѣдующемъ: онъ былъ у Пугачева въ Бердинской слободѣ на поклонѣ; получа отъ него лжесоставленный манифестъ, сдѣлался усерднымъ исполнителемъ его злодѣйскихъ приказаній, хотя и зналъ, что государь Петръ III скончался, а что это некто иной, какъ бѣглый казакъ Емельянъ Пугачевъ; ложный манифестъ самозванца публиковалъ въ Бугурусланской слободѣ, самъ присягалъ ему и другихъ заставлялъ тоже дѣлать; а потомъ набралъ пятьсотъ человекъ для пикетовъ; о всѣхъ происходившихъ случаяхъ часто рапортовалъ въ злодѣйскую военную коллегію и разсылалъ ордера, именуя Пугачева императоромъ; когда узналъ, что на Бугурусланъ на-

палъ Голицынъ, то не сдался ему, а, напротивъ того, еще собралъ до семидесяти человѣкъ и по прежнему содержалъ пикеты; а на сраженіи потому только не былъ, что не выпадалъ такой случай; захваченныхъ солдатъ ея императорскаго величества бралъ подъ караулъ и многихъ билъ батожемъ; подъ конецъ же хотѣлъ бѣжать, когда узналъ о неудачахъ Пугачева, но былъ схваченъ и выданъ правительству.

Имѣя въ виду всѣ эти преступленія, секретная коммисія заключила, что съ Давыдовымъ слѣдуетъ поступить по всей строгости государственныхъ законовъ, т. е. „лиша его депутатскаго достоинства, учинить смертную казнь—повѣсить на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ своимъ усердіемъ къ самозванцу вверхъ многихъ въ ровъ погибели“, т. е. въ Бугурусланской слободѣ, для того, чтобы симъ казнились жители, доврившіеся самозванцу, и, страшась подобнаго же жребія, пребыли вѣрными ея императорскому величеству.

На это воспослѣдовало такое рѣшеніе императрицы, высказанное въ повелѣніи генералъ-маіору Павлу Потемкину:

„Хотя Давыдовъ за свои злодѣянія достоинъ жестокой казни, но какъ мы уже единожды навсегда торжественно всѣхъ депутатовъ отъ смертной казни освободить обѣщали, то и сей клятвопреступникъ, хотя по злодѣянιάмъ своимъ и не достоинъ бы освобожденъ быть отъ поносной казни, однакожъ, по сему нашему обѣщанію, освобождается; при семъ повелѣваемъ: приведа его со всѣми обрядами для осужденнаго на смерть къ висѣлицѣ, лишитъ депутатскаго званія и потомъ, прочтя ему сентенцію коммисіи во всей ея силѣ и не чиня ему казни, тутъ же заковать въ кандалы и послать подъ крѣпкимъ карауломъ на каторгу въ Ригу, гдѣ всю жизнь его употреблять въ тяжкихъ на Двинѣ работахъ“.

Х.

Петръ Емельяновъ.

Въ Голубенской станицѣ на Дону, въ февралѣ мѣсяцѣ 1774 года, былъ пойманъ крестьянинъ адмиральши вдовы Марьи Головиной, изъ вотчинъ Московскаго уѣзда, Петръ Емельяновъ съ находившимися при немъ работниками; онъ былъ въ этой станицѣ для продажи мѣдныхъ образцовъ и разныхъ другихъ вещей. Бывши 10-го февраля въ домѣ старшины этой станицы Попова, Емельяновъ въ разговорѣ о разныхъ предметахъ, между прочимъ, сообщилъ:

— У насъ-де въ Москвѣ нынѣ большая помутка; развѣ у васъ тутъ не слышно, что государь Петръ Ѳеодоровичъ явился въ Орен-

бургъ и, набравъ войска до семидесяти тысячъ, пишетъ, чтобъ государня не дожидалась бы его, шла бы въ монастырь; а крестьянъ всѣхъ государь хочетъ отъ бояръ отобрать и имѣть ихъ только за своимъ именемъ; колибъ то намъ Богъ далъ, хотя одинъ годъ на волѣ пожить, ибо теперь всѣ мы помучены; а вотъ и теперь изъ Москвы день и ночь противъ государя къ Оренбургу везутъ пушки и всякіе припасы, Томскій же полкъ, чтó изъ Москвы повезли на подводахъ, уже покорился государю. Да какъ же у васъ не слышно было обо всемъ этомъ? Государь-то былъ и въ Дубовкѣ подъ карауломъ, его тамъ мучили, въ водѣ хотѣли потопить; онъ и самъ объ этомъ не скрываетъ, а пишетъ; что же касается до того, что будто это вашъ казакъ Пугачевъ, то не вѣрьте тому, съ его ли разумомъ такія дѣла дѣлать!

На допросѣ въ канцеляріи войсковыхъ дѣлъ Емельяновъ показаль, что все это рассказывалъ по слуху, носящемуся въ народѣ, безъ всякаго умысла, а съ простоты, слыша о томъ въ разныхъ мѣстахъ, а гдѣ—точно показать не можетъ.

ХІ.

Іовъ Масякинъ ¹⁾.

Іовъ Макаровъ сынъ Масякинъ, сорока лѣтъ отъ роду, былъ дворцовымъ крестьяниномъ села Кирсанова, Тамбовскаго уѣзда. (Кирсаново въ 1779 году сдѣлано уѣзднымъ городомъ Тамбовскаго намѣстничества, а въ 1796 г. той же губерніи).

Въ 1774 году 21-го августа, въ четвергъ, пріѣхалъ къ нему изъ села Никольскаго однодворецъ Лаврентій Угловъ и просилъ его помочь сыну Науму отъ ломотной болѣзни. Масякинъ согласился и они вмѣстѣ въ тотъ же день отправились; леченіе состояло въ томъ, что онъ наговаривалъ воду и умывалъ ею сына Углова два раза, вечеромъ и утромъ. На слѣдующій день, въ пятницу, Масякинъ вышелъ изъ Никольскаго и одинъ пришелъ пѣшкомъ въ село Подвигаловку, Шацкаго уѣзда; попросилъ позволенія въ одномъ домѣ переночевать и когда его впустили, то въ разговорѣ съ хозяиномъ проговорился, что умѣетъ отъ всякихъ болѣзней врачевать; услышалъ объ этомъ попъ того села и обратился къ нему съ просьбою вылечить его жену. Масякинъ отправился въ домъ попа, наговорилъ опять воду и приказывалъ больной умываться ею, а затѣмъ тотчасъ же и возвратился въ тотъ домъ,

¹⁾ На основаніи: показанія Масякина, ордера Панина къ Шетневу, письма императрицы къ Вяземскому и резолюціи князя Вяземскаго отъ 11-го декабря 1774, утвержденной собственною рукою императрицы.

гдѣ въ первый разъ остановился. Войдя въ избу въ то время, когда хозяева ужинали, онъ подошелъ къ стѣнѣ, снялъ съ нея мѣдный поклонный крестъ, поцѣловалъ его, потомъ помолился Богу и сказалъ:

— Что-же вы не встанете? Вѣдь я не простой мужикъ, а царь Петръ Ѳеодоровичъ! Вотъ, глядите, и крестные знаки на тѣлѣ около висковъ; это кресты природные у всѣхъ, кто царскаго поколѣнія. А вотъ, смотрите, на спинѣ крестъ прощенный: если кто его поцѣлуеъ, то Богъ помилуеъ и царь проститъ.

Присутствующіе всѣ тотчасъ же повалились ему въ ноги и стали прикладываться ко всѣмъ крестнымъ знакамъ на его тѣлѣ.

— А какъ тебя зовутъ?—обратился Масякинъ къ хозяину.

— Отставной капраль Данило Іевлевъ, ваше величество, — отвѣчалъ тотъ.

Жена Іевлева, Евфросинья Ѳеодорова дочь, просила Масякина, чтобы онъ ее вылечилъ отъ порченой болѣзни; тогда онъ принялся за единственное свое средство — наговаривалъ воду и приказывалъ ея мыться. Какъ въ послѣдствіи времени оказалось на допросѣ, Масякинъ свои крестные знаки получилъ чрезъ надавливаніе мѣднаго креста на вискахъ, а на рукахъ и спинѣ такой же выпуклый мѣдный крестъ привязывался чрезвычайно туго платкомъ. На другой день Масякинъ просилъ Іевлева, чтобы тотъ отпустилъ своего двороваго человѣка сопровождать его по тѣмъ селамъ, гдѣ онъ будетъ называться царемъ; „а если не дашь,—приговаривалъ Масякинъ,—то смотри! Силы мои уже скоро прійдутъ сюда; тогда тебѣ не сдобровать! съ женою и дѣтьми повѣсимъ“.

Іевлевъ согласился отпустить своего двороваго Родіона, который, по приказанію Масякина, долженъ былъ ту воду выпивать, которую онъ мылся, такъ какъ такую воду отъ умыванья царя на землю выливать нельзя. Потомъ Масякинъ ходилъ въ домъ другаго однодворца того же села, Ѳедора, гдѣ тоже выдавалъ себя за царя, показывалъ вышеупомянутые знаки на тѣлѣ и заставлялъ хозяина, жену, дочь дѣвицу и пасынка прикладываться къ нимъ, что тѣ съ благоговѣніемъ и исполняли. По возвращеніи въ домъ Іевлева, Масякинъ послалъ Родіона въ деревню Березовку Шацкаго уѣзда къ крестьянину Ивану, у котораго раньше онъ лечилъ дочерей и забылъ тамъ свой сермяжный кафтанъ. Черезъ нѣсколько времени поѣхалъ туда же въ Березовку и самъ Масякинъ; здѣсь онъ тоже выдавалъ себя за царя, почему всѣ тутъ присутствовавшіе кланялись ему въ ноги, а онъ ихъ благословлялъ рукою на подобіе священника; жители этой деревни въ своихъ избахъ разстилали ему на полу подъ ноги холсты и цѣловали у него на рукахъ, груди и спинѣ кресты. Масякинъ про-

былъ въ той деревнѣ два дня. Потомъ его отвезли въ село Прибылки, того же увѣзда, откуда съ Родіономъ онъ пошелъ пѣшкомъ въ деревню князя Гагарина Арнѣишу, гдѣ оставался два дня. Тутъ онъ тоже называлъ себя Петромъ Ѳедоровичемъ, а о великомъ князѣ Павлѣ Петровичѣ выражался такъ:

— Чадо мое милое и возлюбленное, Павелъ Петровичъ! Велить ли Богъ мнѣ съ тобою видѣться? Я его посадилъ въ Петровъ день на царство, а только никто того не знаетъ, кромѣ его.

Разсказывалъ также Масякинъ, что у него силъ очень много, которыми недавно два человѣка повѣшены; „да вотъ и вамъ,—грозишь онъ жителямъ селъ,—того не миновать, если ко мнѣ не будете добры“.

Въ этихъ же селахъ по ночамъ онъ малывался Богу и вслухъ, къ прельщенію народа, приговаривалъ:

— „Пошли Господи увидѣть возлюбленнаго сына моего, государя Павла Петровича“. Потомъ приказывалъ жителямъ встрѣчать его войска съ положеннымъ на голову хлѣбомъ и становясь на колѣни; разсказывалъ онъ также, что войска его никому никакой обиды не дѣлаютъ, а ежели нужно кого повѣсить или пожаловать, то это совершается по его приказанію намѣстниками. По его словамъ, войска идутъ къ Тамбову пятью дорогами, гдѣ и сойдутся; тутъ воспослѣдуетъ свиданіе его съ любезнымъ сыномъ Павломъ Петровичемъ. Своими командами онъ называлъ всѣ тѣ шайки, которыя предавали грабежу окрестныя мѣстности. Все это имъ совершалось, какъ въ послѣдствіи онъ признался, въ виду того, чтобы побольше набрать съ народа денегъ и возвратиться домой. Когда же онъ былъ въ домѣ сотскаго села Никольскаго, Завидова, то потребовалъ себѣ чернильницу и бумагу и, такъ какъ не зналъ ни читать ни писать, начертилъ какія-то каракули, показывалъ видъ, что написалъ отпускную своему спутнику Родіону, а другую бумагу, также точно измаранную, вручилъ сотскому, какъ повелѣніе о томъ, чтобы войска его встрѣчали съ хлѣбомъ да солью. По выходѣ изъ села Никольскаго, Масякинъ съ Родіономъ были схвачены и присланы въ Тамбовскую провинціальную канцелярію. Тутъ Масякинъ показалъ, что прежде этого никакого злодѣяства не дѣлалъ и въ воровствахъ и разбояхъ не участвовалъ.

Изъ ордера графа Петра Панина къ генераль-поручику Воронежскому губернатору Шетневу отъ 13-го октября 1774 года видно, что Тамбовской канцеляріи предложено было отъ имени графа, „подъ надзираніемъ и отвѣтомъ собственною жизнію тамошняго воеводы“, содержать втораго самозванца прикованнымъ къ стѣнѣ до полученія повелѣнія объ немъ ея императорскаго величества. Недолго однако оставался Масякинъ въ Тамбовской провинціальной канцеляріи; его

отправили вмѣстѣ съ замѣшанными въ этомъ дѣлѣ личностями въ Воронежскую губернскую канцелярію. По этому случаю графъ Панинъ прислалъ Шетневу слѣдующаго рода предписаніе:

„Тамбовскаго уѣзда села Кирсанова крестьянина Юва Макарова сына Масякина, приуготови по христіанскому закону къ смерти, казнить на площади города Воронежа отрубленіемъ напередъ обѣихъ рукъ и ногъ, а потомъ головы, и положить его злодѣйскій трупъ тутъ же на колесѣ, а голову, руки и ноги, отославъ въ село Кирсаново, велѣть на сдѣланномъ же колесѣ воткнуть на спицы и въ обонхъ мѣстахъ прибить объявленіе о злодѣйскомъ дѣйствіи.

„Шацкаго уѣзда въ селѣ Подвигаловкѣ жительствоващаго отставнаго капрала Данила Гевлева за непредъявленіе Масякина начальству, а тѣмъ болѣе за признаніе его Петромъ III, высѣчь, вмѣсто заслуженной смертной казни, вкutomъ, давъ семьдесятъ пять ударовъ, и отрѣзать оба уха.

„Родіона Алексѣева, сопричастника злодѣяніямъ самозванца, который былъ ему провожатаемъ, если онъ негоденъ въ службу, наказать вкutomъ, давъ пятьдесятъ ударовъ, и отрѣзать одно ухо, а если годенъ къ службѣ, то наказать жестоко подъ висѣлицею плетми.

„Одюдворца Ѳедора, въ домѣ котораго былъ Масякинъ принимаемъ за государя, равно какъ трехъ человекъ, приведенныхъ Родіономъ изъ деревни Орлова, Шацкаго уѣзда, села Прибыткова: одюдворца Ѳедора, деревни Арнюшки крестьянина Захара и одюдворца Самуила Проворотова, однимъ словомъ, всѣхъ, на кого показывалъ Масякинъ, какъ на соучастниковъ его замысловъ, наказать также какъ вышеозначеннаго Родіона Алексѣева.

„Попа Ѳедора села Подвигаловки, Шацкаго же уѣзда, у котораго Масякинъ лечилъ попадью наговоренною водою, отослать къ духовному суду и наказанію за то, что онъ, вмѣсто того, чтобы по своей пастырской должности другихъ отвращать, дерзалъ впадать въ таковое демонское суевѣрство. Если же кто изъ этихъ лицъ будетъ оправданъ дальнѣйшимъ изслѣдованіемъ дѣла, то таковыхъ не наказывать, а тотчасъ донести объ этихъ обстоятельствахъ графу. Тѣмъ же одюдворцамъ, которые злодѣя Масякина поймали и къ начальству представили, въ награжденіе за ихъ вѣрность къ государынѣ и отечеству раздѣлить прилагаемые сто рублей“.

Этотъ ордеръ графа Панина былъ посланъ Воронежскому губернатору Шетневу съ капитанъ-поручикомъ л.-гв. Новосильцевымъ, который и долженъ былъ отрапортовать графу о точномъ всего этого исполненіи.

Но изъ письма Екатерины II къ князю Александру Алексѣевичу

Вяземскому видно, что императрица нашла эту сентенцію графа Панина весьма жестокою; а потому повелѣла князю Вяземскому послать предписание къ Воронежскому губернатору объ отмѣнѣ сентенціи графа Панина и „чтобъ вмѣсто жестокой таковой казни, есть-ли онъ убивствы не производилъ, его сѣкли внутомъ, а естли убивства дѣлалъ, чтобъ повѣсили его просто, не дѣлавъ никакихъ мученій“.

Относительно же наказанія сообщниковъ Масляина и здѣсь значительное отступленіе сдѣлано отъ сентенціи графа Панина. Изъ повелѣнія генераль-прокурора князя Вяземскаго, подписаннаго Екатериною II-й, отъ 11-го декабря 1774 года, видно, что воспослѣдовало въ отношеніи ихъ слѣдующее рѣшеніе:

„Главнѣйшее преступленіе сообщниковъ самозванца состоитъ въ томъ, что они, повѣря ложнымъ словамъ того злодѣя, почитали его за истиннаго государя, покойнаго императора Петра III-го, кланялись ему въ ноги, цѣловали руки, за что и достойны по силѣ государственныхъ законовъ не только тяжкому тѣлесному наказанію, но и лишенію живота; но какъ они въ сіе преступленіе впали единственно по обольщенію того злодѣя, отъ сущаго своего невѣжества, умысла ихъ къ каковому важному преступленію и склонности къ злодѣяніямъ совсѣмъ не открывається, то въ разсужденіе этого, а паче изъ единаго ея императорскаго величества милосердія, всѣхъ сихъ людей отъ положеннаго законами осужденія избавить. Но дабы они впредь таковымъ ложнымъ обольщеніямъ не вѣрили и на всю жизнь оставались въ вѣрности къ свой самодержицѣ, то изъ нихъ капрала Данилу Левлева, а равно его человѣка Родіона Алексѣева, однодворца Ѳедора и крестьянъ: Петра Андреева, Ивана Раева, Аввакума Жаркова и Якова Севастьянова высѣчь плетью и написать въ солдаты; крестьянъ же: Андрея Алексѣева, Захара Жаркова и однодворца Самойла Проворотова, замѣня имъ долговременное подъ карауломъ содержаніе въ наказаніе, а паче по старости ихъ лѣтъ, никакого наказанія имъ не дѣлать, но освободя какъ ихъ, такъ и привлеченныхъ къ оному слѣдствію женокъ, дѣвокъ и малолѣтнихъ, отпустить по прежнему въ ихъ жителства; при этомъ привести ихъ вновь къ присягѣ, истолковавъ имъ всѣмъ важность учиненнаго ими преступленія, въ которое столь пагубно ввергла ихъ глупость и безразсудность, равно пояснить какому бы они наказанію были достойны, есть ли бы не особливое человѣколюбіе и щедроты ея императорскаго величества“.